

Михаил Минаков

Трансформации философского образования в Украине в конце XX в. (1986-1995 гг.)¹

Публичное применение разума – важнейший признак современного общества. В этой связи, философия имеет особую миссию в установлении модерности и ее развития. Социально-политические процессы современности зависят от того, как именно интерпретируются понятия «свободы», «права» и «государства»; или от того, есть ли более или менее стабильные группы людей, мыслящих критически в отношении и содержания политики, и стиля правления, и режима истин данного общества. Внеконтекстуальность философии, ее претензия на критическое (пере)обоснование словаря эпохи позволяет в современных культурах создавать контексты, задающие содержание социально-политическим процессам и их идеологическим оформлением. В этой связи, эволюция современной постсоветской философии является важным предметом для исследования новых обществ, возникших на развалинах Союза. Такое исследование также дает материал для понимания того, как происходит переход от советской к постсоветским национально-оформленным политическим культурам, как обосновывается новый социальный – капиталистический – эксперимент, как конструируется новая социальная реальность.

Тут же следует признать, что незаурядность роли философии для современной постсоветской политической культуры выглядит, отчасти, благим пожеланием. Ни философы, ни более широкий класс интеллектуалов на самом деле не играют ни в Украине, ни в России, ни в другой постсоветской стране той культурной, общественной и политической роли, которую они, как кажется, исполняют по западную сторону Карпат. Резонов для этих сомнений немало, и среди них – недостаточная способность постсоветской философии отвечать на запросы «верхов» и «низов» – отвечать и в форме идеологического обслуживания такого запроса, и в форме критики существующих режимов, и в виде критики утопий маргинальных групп. Пассивность философов привела к тому, что их возможное влияние «перехвачено» собственно идеологами – историсофами, геополитиками, политтехнологами и прочими авантюристами от идеологии. Советское происхождение постсоветской современной философской мысли сказывается на недостаточной способности вести диалог с элитами и другими группами общества,

¹ Сокращенная версия второй части статьи была опубликована на украинском языке в книге *Філософська освіта в Україні: історія і сучасність* (Кол. монографія за ред. М.Л. Ткачук. К., 2011).

оказывать свое дисциплинирующее влияние и на способы ведения диалога, и на темы дискуссий, и на их язык.

И вот тут-то следует спросить: что такое «советское происхождение» нашей мысли? Что пережило развал советской системы, а что ушло в прошлое? Ответы на эти вопросы еще только готовятся в цехах философов, историков, социологов и других исследователей. В этой же статье я попытаюсь рассмотреть и описать те процессы, которые пережила украинская философия в конце XX века, в бурное десятилетие с 1986 по 1995. Эта декада вместила в себя два значимых, хоть и кратковременных периода: Перестройку и начало украинской независимости. Эту историю я предположу разделом, посвященным краткому обзору истории советской философии. В конце статьи я укажу на аспекты нового постсоветского и прежнего советского содержания в современной философии.

Тут же важно указать на то, что трансформацию философии в нашем регионе я прослежу лишь по одной из возможных сюжетных линий: изменения и новые начала в формах и содержании философского образования, а также обновление способов их институционального воспроизводства. Я прослежу то, как развивался философский процесс в пределах отдельной культуры на примере посттоталитарной Украины, переживающей непростой период своей модернизации вдогонку Западной (а с начала XXI века и Центральной) Европе.

Несмотря на многообразие определений философии, определенный консенсус существует относительно того, что философия – по крайней мере как идентифицирующая себя на протяжении тысячелетий и воплощенная в определенных культурных формах мыслительная практика – касается общего и интегративного знания. Это знание в наше время объединяет разнообразные подходы к пониманию человека, хронотопа культур, прогресса науки, развития политико-правовых систем и многое другое. При этом сегодня, философское образование – это институализированная система создания, фильтрации и трансляции набора философских знаний, установок, навыков и убеждений, делающих возможным философствование, а также способствующих рационализации и демифологизации современных культур. Анализируя связь философии и образования, мы лучше понимаем рамки социального оформления знания, его создание, накопление и применение. Это, кроме всего прочего, раскрывает принципы самоидентификации культуры в определенный отрезок времени на определенной территории.

Также важно отметить, что философское образование во многих современных академических культурах имеет экзотерическое задание – подготовить критическую массу убеждений, делающих возможным эффективное функционирование рациональных практик, в которых нуждаются политические и социально-экономические порядки. В частности, философский элемент в образовании отвечает за весомость таких явлений современной политической культуры, как политический плюрализм и культурная толерантность, критическое мышление и солидарное действие, верховенство права и морально-правовое понимание челове-

чества. В контексте же заданий данной статьи, рассмотрение трансформации философского образования в Украине позволит отчасти увидеть, как менялись идеологические и институциональные рамки, формировавшие философский дискурс УССР и независимой Украины. Таким образом, изменения в философском образовании в Украине могут быть отчасти экстраполированы на трансформации постсоветского философского процесса в целом.

Еще один важный аспект данного исследования связан с особой «смычкой» философии и власти, характерной для советской идеологической машины и представлений правящих элит Украины в 1990-е годы. Процесс передачи философского знания находился с 1920-х годов под особым контролем властей. Это проявлялось и в контроле за поведением преподавателей, и за учебными программами, и за составом доступных для студентов книг. Взаимное влияние властей и преподаваемой философии было весьма значительным: власть и знание обосновывают друг друга, а в советском контексте они делают это не только на сущностном уровне, но и в виде публично-правовых актов.

Наше нынешнее философское образование своими корнями уходит в идеи, которые распространились в философской и политической среде во времена позднего Застоя и Перестройки. Изучая преобразование философского образования в период с 1986 по 1995 год, мы движемся к пониманию современных тенденций во взаимодействии правящих элит и интеллектуалов. Таким образом, анализ философского образования советского и постсоветского времени даст ответы относительно того:

какие ожидания были у власти и подконтрольной ей системы образования в вопросе подготовки философов, тем самым частично раскрывая характер взаимоотношений власти и философии на нашей территории;

как изменялось самосознание философов, их задач и правил коммуникации;

как взаимодействовали идеология и философия (на примере образовательных учреждений), то есть как возможно мышление в условиях тоталитаризма и посттоталитаризма.

В связи с вышеизложенными соображениями, я структурирую эту статью таким образом, чтобы описать:

(1) философский, идеологический и исторический контекст, который играл внешнюю определяющую роль для философского образования конца XX века;

(2) основные характеристики философского образования времени Перестройки; и

(3) основные черты преобразований в философском образовании после развала СССР и появления независимой Украины.

Поэтому в первой части будет рассмотрен вопрос того, что такое советская философия, этапы ее развития, особенности институционализации советской философии и, в частности, украинской советской философии. Этот раздел обрисует фон, на котором разворачивалась драма преобразований философского об-

разования рассматриваемого десятилетия. Во второй части будут описаны события в украинском философском образовании времени Перестройки и его связи с общественно-политической трансформацией 1986-1991 годов. Наконец, третья часть будет посвящена описанию основных тенденций философского образования Украины в 1991-1995 годы.

Воспроизводство мысли в неволе: развитие философии и философского образования в СССР

Что такое советская философия?

Советская философия как предмет исследования истории философии является чем-то крайне проблематичным. Существует два радикальных взгляда на нее. Одни считают, что советская философия хотя и была ограничена в темах и формах выражения философских идей, все же была определенной философской традицией. Другие утверждают отсутствие самого факта существования советской философии. Рассмотрим аргументы сторон.

Сторонники того взгляда, который отстаивает существование советской философии, делятся на два лагеря. Одни рассматривают ее как определенную перверсивную интеллектуальную практику, которая еле теплилась в тоталитарной советской системе, другие же признают за советской философией определенные относительно позитивные заслуги именно как философии. Что же они называют «советской философией»?

Лагерь критиков советской философии возник на Западе в рамках изучения феномена тоталитаризма. К самым значительным его исследователям принадлежала Ханна Арендт. Ее попытка философского анализа тоталитаризма заложила методологическое основание для анализа отдельных его феноменов, в том числе и советской философии. Понятийные рамки, используемые Арендт, описывали тоталитаризм в терминах «радикального разрыва» с европейской цивилизацией и традицией модернизации². В рамках тоталитарной культуры человек мог существовать только с той рациональностью, которая принципиально не связывалась ни с личным опытом, ни с культурной традицией: человек становился бездомным, лишенным корней³. Задачи существования человека и общества устанавливались, исходя из сверхчеловеческого горизонта развития истории и природы. Это развитие описывала идеология и в соответствии с этим структурировала публичную сферу: тем самым общество истолковывалось как закрытое сообщество (*Gemeinschaft*). При таких условиях индивидуальный разум должен был в любой деятельности подчиняться «логическому принуждению» общеисториче-

² Arendt H. *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft: Antisemitismus, Imperialismus, Totalitarismus*. München. 1986. P. 945ff.

³ Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben*. München/Zurich, 1999. P. 16.

ских задач. Поэтому для философии как свободного публичного использования разума места в этих рамках не было.

Учение о тоталитаризме у Ханны Арендт заложило фундамент для исследований советской системы. Эти исследования коренным образом поправили и выводы самой Арендт: многое из того, что существовало в Советском Союзе, не вписывалось в рамки ее первоначальной теории. Например, проблематичным был статус философии в СССР. Отчасти причина этого была в том, что Арендт анализировала в основном нацизм, в то время как советский тоталитаризм она рассматривала через призму немецкого опыта. Однако помимо этого стало очевидно, что после смерти Иосифа Джугашвили в СССР при сохранении тоталитарных практик произошли серьезные изменения. Эти изменения стали основанием для пересмотра как методологических оснований изучения тоталитаризма, так и создания различных методов изучения советской цивилизации, объединенных под названием «Soviet Studies» (советские исследования, или «советология»). В том числе, советологи изучали и существование философии в рамках советской системы.

Одни из первых попыток описания системы образования и науки как инструментов строительства государства предприняли Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский. В частности, они рассматривали систему науки и образования в СССР как попытку реализации идеологической установки на «равенство» членов общества и их подчинения власти. При этом идеология рассматривалась как фундаментальный разрыв мышления и опыта, воспроизводимый в системе тотального «сквозного образования»⁴. Вместе с тем у К. Фридриха появляется мысль о том, что советский тоталитаризм является модерным феноменом – пусть перверсивным, но таким, который связан с эмансипативными рационалистическими практиками Модерности⁵. В признании этого факта появились основания для особого внимания к советской философии и ее «модернизирующей» роли.

Советский тоталитаризм рассматривался советологами как единая государственная система, которая контролировала все аспекты публичной жизни, а также в значительной степени – личную жизнь своих граждан. Именно в этом русле рассматривались формы публичного использования разума в философии, общественной мысли и естественных науках. Так, Мерл Фейнсон (Merle Fainsod), одна из основательниц «Soviet Studies» в США, назвала советскую систему «рационализированным» или же «просветительским тоталитаризмом», подчеркивая ее отличия от фашистского, который склонялся к националистическому мистицизму (приблизительно того же антимодерного феномена, атавистические проявления которого мы можем наблюдать в современной Украине). В отличие от Х. Арендт, М. Фейнсон считала советский тоталитаризм модерным. Правда, эта мо-

⁴ Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitäre Diktatur. Stuttgart, 1957. P. 67.

⁵ Friedrich C.J. Die Macht der Negation und das Verhängnis totaler Ideologie // Atlantische Begegnungen: Eine Freundesgabe für Arnold Bergstraesser / Ed. F. Hodeige, C. Rothe. Freiburg im Breisgau, 1964. P. 13.

дерность (и активное использование рациональных практик) появляется как инструмент установления тотального контроля власти над научной и общественной мыслью⁶. А Адам Улам, развивший мысль М. Фейнсод, объяснял, что специфический интеллектуальный ландшафт советского тоталитаризма создан антиномией между анархизмом («самым жестоким восстанием против индустриализма») и культом технологии, то есть уверенностью в «исторической необходимости и святости индустриализма»⁷. Таким образом, несмотря на все особенности, советский тоталитаризм рассматривался как определенная форма модерности.

Больше внимания роли идеологии и месту интеллектуальных практик в советской системе уделял Бертрам Вульф. Он сформулировал парадокс советской рациональности: «Абсолютная власть, не ограниченная ни институционным надзором, ни моральным кодексом, ни окружающими критическими голосами, приводит к неуважению разума»⁸. Наконец, Йозеф Бохеньский (J. Bocheński) совершил попытку описать советскую философию как историко-философский феномен в рамках общего представления о советском тоталитаризме. Хотя в его попытке мы не встретим ни изучения форм институционализации, ни рассмотрения тем и стилей советского философствования. Вердикт Бохеньского относительно советской философии был выражен в таких строках: советские философские «главные доктрины являются грубыми и несколько систематизированными выражениями простого здравого смысла», а их «техники, уровень постановки проблем и их формулировки крайне примитивны»⁹.

В рамках этой же установки – хотя и несколько десятилетий позже – оценивает советскую философию и роль образования в ее становлении украинская исследовательница Мария Култаева. Она рассматривает философское образование в СССР как часть общей системы насаждения «советской политической культуры» методами просветительской дидактики. В частности, она артикулирует важную мысль, которую теряли из поля зрения западные критики, а именно то, что эволюция философского образования опосредованно вела к усложнению социального бытия советского человека, что противоречило установкам общего образования по упрощению этой картины. Фактически, речь идет об амбивалентном процессе в рамках системы советского образования, когда происходило и усложнение, и упрощение тоталитарной картины мира. «Упрощалось – в перспективе довольно легкой манипуляции сознанием и поведением личности путем наглядно-образного и вербального политического импринтинга. Усложнение же – природное следствие вхождения человека в мир культуры, в котором всегда остаются сферы, которые выпадают из-под влияния тоталитарной идеологии и остаются

⁶ Fainsod M. Khrushchev's Russia // Problems of Communism. 1965. Vol. 14. P. 9-10.

⁷ Ulam A. The Historical Role of Marxism and the Soviet System // idem. The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963. P. 21.

⁸ Wolfe B. Marxism and the Russian Revolution // idem. An Ideology in Power: Reflections on the Russian Revolution. N.Y., 1969. P. 36.

⁹ Bochenski I.M. Der sowjetische russische dialektische Materialismus. Bern, 1950. P. 2.

за границами контроля»¹⁰. Так произошло напряжение, которое позволило осознать ограниченность идеологических каркасов и потребность в гражданском обществе, закладывая основы для преобразований общественной мысли периода Перестройки. Так, советская философия и философское образование оказались фактором исторических перемен конца XX века в СССР в целом, и в Украине в частности.

Как видим, рамки исследований тоталитаризма приводили, с одной стороны, к признанию существования такого типа философствования как «советская философия», а, с другой, отказывались от изучения собственно философского процесса в СССР. Рассмотрение философии через призму тоталитарных исследований давало право выделять советскую философию как хотя и современную (модернизирующую), но перверсивную форму существования философии. В конце концов, засвидетельствованием факта перверсивности дело и ограничивалось с 1950-х по 1980-е годы. Только в конце его существования исследователи тоталитаризма увидели в советской философии некоторую ценность, свое содержание и сложность. Так Джеймс Сканлан, а потом и Дэвид Бэкхерст отмечали присутствие различных школ и направлений в советской философии, и ее разделение на официальную и диссидентскую¹¹. По всей видимости, сфокусировав внимание на тоталитарных структурах, исследователи-советологи отвлекались от эмпирического материала об эволюциях, претерпеваемых философией в СССР.

В отличие от исследований тоталитаризма, традиционная история философии рассматривала философский процесс в СССР несколько более внимательно, как несводимый к одному процессу феномен. Так, ряд отечественных философов и историков философии довольно трезво оценивают наследие советской философии. Прежде всего, это связано с недавними исследованиями, посвященными идеям советских философов Павла Копнина, Вадима Иванова, Мераба Мамардашвили, Эвальда Ильенкова и других. Примером такой оценки идей советской философии являются работы украинских исследователей Анатолия Лоя, Анатолия Ермоленко и Евгения Быстрицкого.

Анатолий Лой предлагает рассматривать советскую философию как философское направление, в котором доминирует особенный тип философствования, называемый марксизмом. Он пишет: «Марксизм лишал себя... резонатора, его "реальная философия" с характерными ей мотивациями с самого начала была локализована в определенном политическом движении и его институтах. Конечно, рабочее движение, на лидерство в котором марксизм претендовал, мыслилось как что-то вселенское и всеохватывающее, всеобщее и мировое. Марксизм иногда не мог удержаться без сравнения себя с христианским движением, несущее при этом не иллюзорное, но реальное освобождение. Подобно последнему, мар-

¹⁰ Култаева М.Д. К политической антропологии трансформационных процессов посттоталитарного общества // Материалы конференции «Советская философия». К., 2008. С. 28.

¹¹ Bakhurst D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy. Cambridge, 1991; Scanlan J. Marxism in the USSR // American Political Science Review. 1985. Vol. 142. P. 266-282.

ксизм воспринимал себя, свою теорию, в качестве органа самоформирующего себя "сообщества" (Gemeinschaft). Это сообщество, в отличие от религиозного, существовало не в рамках института церкви, оно создавалось по сути на базе политически-партийных институтов рабочего движения, принадлежность которых к рабочему классу носила чисто декларативный характер. Сообщество (Gemeinschaft) в отличие от гражданского общества (Gesellschaft) не нуждается в философии, ему достаточно ограничиться философским артефактом – мировоззрением»¹². Таким образом, советская философия выступала единственно приемлемой для сообщества философской практикой, необходимой для поддержания идеократического режима. Важность философии в СССР основывалась на ее услугах для продвижения принципов идеологичности и партийности. Служебная роль советской философии превращала ее в практику воспроизведения отдельного мировоззрения. «Парадоксальность догматического марксизма была в том, что он отрицал и отрубал то, что его в рамках мировоззрения могло символически связывать с глубинными ценностными параметрами общественной самоорганизации. Зациклив мировоззренческий ряд на экономических мотивациях и ожиданиях, избавившись от привязки, мировоззрение легитимировало для себя внеморальную целерациональность, когда все, идеология, само мировоззрение, а главное люди, стали заложниками революционной, политической целесообразности»¹³. Таким образом, советская философия рассматривается прежде всего как интеллектуальное поле доминирования догматического марксизма.

Анатолий Ермоленко, признавая доминантность догматического марксизма, добавляет к портрету советской философии у Анатолия Лоя ее неоднородность и многоуровневость. В частности киевский исследователь пишет о существовании связи между советским марксизмом и философской мыслью вне Союза, что породило особенный философский цинизм. Несмотря на все недостатки последнего, «цинизм семидесятых – начала восьмидесятых годов был плодотворным. Он сделал возможным, во-первых, дистанцирование по отношению к марксистской теории, что должно было стать основой для критической рефлексии относительно нее, во-вторых, под ее прикрытием – введение "контрабандой" достижений так называемой буржуазной философии, то есть совершение скрытым образом того, что неомарксизм совершал открыто. Однако критическая рефлексия марксизма советского времени ... так и не произошла, что стало причиной плавного перехода этого цинизма в посткоммунистическую эпоху»¹⁴.

К этому образу Евгений Быстрицкий добавляет мнение, будто в восьмидесятые годы прошлого века советская философская традиция осознает собственную бесплодность. В конце своей жизни марксистская философия не справляется ни

¹² Лой А.М. Філософія та світогляд у пізньому марксизмі // Філософсько-антропологічні студії. К., 2003. С. 46.

¹³ Там же. С. 47.

¹⁴ Ермоленко А.М. Пізній марксизм – філософія цинічного розуму // Філософсько-антропологічні студії. К., 2003. С. 349.

с объяснением процессов современного ей мира, ни с предсказаниями развития процессов, как того требовал «научный социализм». Поэтому «редукция к трем законам диалектики, так же как и наложение ее категорий на общественные и культурные процессы, разнообразие которых проявляется даже при условиях умеренного тоталитаризма, мало что дает в смысле объяснений общества, историческая эволюция которого становится для марксистской теории все менее и менее понятной (неподконтрольной для предсказаний и объяснений)»¹⁵.

Представленный взгляд украинских исследователей на советскую философию, с одной стороны, репрезентирует убеждение в том, что такая философия существовала, а с другой, подводит к неутешительному выводу о ее достижениях. В отличие от тоталитарных исследований, представленные рассуждения основаны на хорошем личном знании событий прошлого и участии в процессе развития советской философии последних десятилетий. Таким образом, картина изображена не только с помощью историко-философской рефлексии, но и с использованием личного опыта философствования в советско-марксистском поле.

Отдельно хочется обратить внимание на тенденцию вообще не признавать за «советской философией» статуса философии. Одним из самых последовательных и самых остроумных представителей этой позиции является украинский философ Сергей Пролеев. В своей статье «Мысль и страх: советская философия как ситуация мышления» С. Пролеев высказывает мнение, что советская философия как ситуация мышления является «универсальным антимышлением, противомышлением»¹⁶. Задача этой «философии» состояла в недопущении «неангажированного» мышления, а главная функция – в введении репрессий в сферу разума. Автор выделяет две формы деятельности «советской философии». Первая – структурирование подчиненного мировоззрения у граждан посредством усвоения фундаментальных положений в общем и специальном образовании. Вторая – заполнение культурной ниши мышления смыслами и практиками «квази-мышления». Таким образом, ситуация советского философствования характеризовалась несвободой мысли, которая устанавливалась и воспроизводилась самой лояльной философской мыслью. В соответствии с изложенным описанием, Сергей Пролеев делает вывод о том, что «советская философия» философией не была. Его аргументы состоят в том, что обусловленность мировоззрения для советской философии делает ее нефилософией. В этой связи С. Пролеев пишет: «Философия никогда не мирится с наличным состоянием разума и понимания, то есть не мирится с мировоззрением в целом. Она все поддает сомнению»¹⁷. Советская философия не соответствовала этим требованиям. Также Сергей Пролеев подчеркивает, что мыслить в условиях ужаса – драматических условиях деятель-

¹⁵ Бистрицкий Є. Метафізика пізнього радянського марксизму: Вадим Іванов // Філософсько-антропологічні студії. К., 2003. С. 6.

¹⁶ Пролеев С.В. Думка і жах: радянська філософія як ситуація мислення. Пізній радянський марксизм та сьогодні // Філософсько-антропологічні студії. К., 2003. С. 12.

¹⁷ Там же. С. 89.

ности «советского философа» – невозможно вообще. «Мышление и ужас оказываются взаимоисключающими, благодаря чему становится понятно, что тотальное сознание способно только стимулировать мышление, но не мыслить. Советская философия, развязывая коллизию мышления и ужаса, породила феномен лояльного разума, в котором пытались соединить и примирить несоединимое: свободу интеллектуального поиска и покорность идейным предписаниям»¹⁸. Поэтому советская философия – это симуляция философии, философия только по названию.

Отдавая должное пронизательности и риторическому таланту автора вышеприведенных строк, следует сказать, что тут – и в других случаях аргументации в пользу позиции радикального отрицания философского статуса советской философии – происходит своеобразная амфиболия понятий. Термину «советская философия» то приписывают обобщенный смысл философствования в СССР в целом (ситуация страха, тотальная лояльность мышления и т.д.), то смыслы «философствования» в официальных идеологических структурах Союза и республик. Эта амфиболия сбивает оптику историко-философского исследования, наполняя его современным политическим содержанием и современными идеологическими предрассудками. В условиях этой амфиболии невозможно понять драму советской официальной философии с ее героями типа Абрама Деборина и Марка Митина, ни диссидентскую философию, представленную у Александра Лосева или Михаила Петрова, ни скрытый протест Мераба Мамардашвили и Эвальда Ильенкова. Такой тип аргументации не допустим в научном дискурсе. Важно признать, что советская философия не является настолько уникальной ситуацией несвободного мышления. Примером сравнимых ситуаций могут быть режимы истины в пифагорейских городах Великой Греции или религиозный надзор за философией западного Средневековья, где свобода мышления пребывала под прессингом властных практик. Неблагоприятные условия для философии есть всегда – и это часть формулы ее существования. Преувеличивая «нефилософскость» советской философии мы просто теряем предмет исследования и возможность – пусть туманную – сделать выводы на будущее. Поэтому, по моему мнению, отрицание существования философии в Советском Союзе является неоправданным и опасным для развития философии в постсоветских странах.

Кроме тех исследователей, которые негативно (от полного неприятия до трезвой негативности) относились к советской философии как важному институту тоталитарной системы, существует прагматическая тенденция рассматривать ее вне деления на черное и белое, хорошее и плохое. Такой подход предстал на территории постсоветских и постсоциалистических стран среди философов и историков, для которых так же собственный жизненный опыт философствования связан – непосредственно для старшего поколения профессоров и опосредованно для их учеников – с теми темами, стилями и смыслами философствования, кото-

¹⁸ Там же. С. 129.

рые сохраняют связь с процессами и в советской философии. Отчасти рассуждения сторонников этого способа мышления о советской философии связаны с тем специфическим ресентиментом, возникшим у философов и историков философии постсоветских стран из-за их «неуспешности» в свободном посттоталитарном мире. Большие надежды на то, что в новых постсоветских условиях философия в Украине, России и других странах наконец начнет «дышать на полную», не оправдались. Качество исследований, количество публикаций, коммуникация с международными центрами философии и влияние внутри своих стран оказались неудовлетворительными. Таким образом, во многом эта позиция является вполне природной психологической реакцией на неоправданность надежд.

Однако помимо этих психологических предпосылок для внимания в советской философии, есть и вполне научно продуктивная тенденция в историко-философском сообществе, нацеленная на изучение прошлого нашего мышления. Реакционный ресентимент тут заменен исследовательской эвристикой: чтобы понять советские истоки нашего мышления, необходимо откровенно и с минимумом предрассудков посмотреть на него. Среди представителей этого подхода: Алексей Валевский, Борис Юдин, Виталий Куренной, Николай Плотников и Федор Гиренок. Этого отношения к советской философии придерживаюсь и я.

Прежде всего, для понимания феномена советской философии следует рассматривать ее не только сквозь призму тоталитаризма или идеологии, но и в ее связи с наукой. Можно экстраполировать утверждения Бориса Юдина касательно советской науки на понимание советской философии. Я согласен с тезисом Юдина, что в определении такого феномена как советская наука следует иметь в виду необходимость корреляции нормативных ожиданий определенной культурной ситуации с методологическими требованиями науки. Если общественные нормы несовместимы с наукой, то страдает именно научная составляющая мышления. Для четкого понимания, как соотносятся общественные нормы с научными требованиями, следует анализировать научные институты. Таким образом, Борис Юдин подходит к анализу советской науки. Он усматривал начало эволюции советской науки в своеобразном договоре между властью и учеными: власть защищает ученых от люмпенизированного пролетариата в обмен на полную безоговорочную лояльность¹⁹. Институционализация советской науки привела ее к внешней самоизоляции, внутренней неавтономности и особенной привязке к партийной бюрократии²⁰. Но была и другая особенность: легитимация «советской власти» происходила с применением аргументов точных наук и материалистической философии. В переплетении этих взаимообоснований представал советский хиазм власти, образования, естественных наук и философии. Советская философия оказалась в центре взаимодействия власти, образования и науки, и не

¹⁹ Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 100.

²⁰ Там же. С. 106.

смогла исполнять необходимые функции ни в целях развития науки, ни ради эмансипации общества.

Продолжая линию изучения связи власти, науки и философии в СССР, Виталий Куренной настаивает на том, что советская философия исполняла все три типа культурно-образовательных функций философии. Речь идет о следующих функциях. Во-первых – в рамках существующих образовательных институтов философия отвечает за передачу определенной культурной традиции, что является спецификой именно европейских модернизированных культур. Во-вторых, философия отвечает за создание, воспроизводство и распространение критического мышления, что способствует выживанию демократических институтов и действию плюрализма и толерантности. И наконец, в-третьих, философия отвечает за рост и распространение рациональных публичных коммуникативных компетенций и экспликацию структуры действующих дискурсивных практик (аждо таких как наука или теология)²¹. Так, в полной мере, философия оказалась важным фактором демократизации СССР во время Перестройки. Однако «ползучая» тенденция распространения критического мышления и понимание необходимости плюрализма появились уже во время «оттепели» Хрущева. Многоуровневость философии и наличие непубличного пространства вольнодумия дают основание говорить о необходимости изучать советскую философию именно как философский процесс, пусть и в особых условиях тоталитаризма.

Учитывая это, в рамках изучения советской философии Куренной аргументированно предлагает учитывать

изучение отдельных учений (как официального уровня – Мераба Мамардашвили или Эвальда Ильенкова, так и непризнанных – Алексея Лосева или Михаила Петрова);

статистический анализ философских изданий, конференций, институтов;
оценки политических причин и нравственных последствий поступков философов в момент сотрудничества с властью;
изучение биографий отдельных философов и
изучение дискурса советской философии.

Последний способ, сосредоточенный прежде всего на рассмотрении третьей культурно-образовательной функции философии, позволяет увидеть успешность исполнения всего комплекса функций философии, а так же специфики ее связи с властью. Над дискурсивной функцией философии много работали Николай Плотников и Федор Гиренок.

Николай Плотников предложил такое определение дискурсивной функции философии: «Функцию философии в отношении дискурсивной деятельности можно определить как формулировка рекомендаций для достижения предискурсивных соглашений, лежащих в основе научных и практических дискурсов. Предискурсивными называются такие соглашения, которые должны существовать пре-

²¹ Куренной В. Философия и образование // Отечественные записки. 2002. № 1. С. 11.

жде, чем соответствующая деятельность в рамках конкретных дискурсов (утверждения, обоснования, доказательства) имела бы шанс на достижение успешного результата»²². Таким образом, философия ответственна за предискурсивную (говоря по-кантовски, разумную, то есть ту, что предписывает принципы) рациональность, или же, другими словами, за рациональный тип упорядочивания и организации языковых действий. Тем самым, философия создает ряд предпосылок для наличия дискурса науки, публичной или непубличной политики, идеологии и т.д. Она устанавливает принципы для достижения предискурсивных положений, на основе которых функционируют собственно дискурсы.

Важно отметить, что эта функция философии не универсальна. Однако в культурах, которые претендуют на имя «европейские», философия играет ключевую роль в формулировании рекомендаций относительно предискурсивных конвенций. Философия отбирает, тем самым, у политиков и религиозных деятелей исключительное право на такие рекомендации, заставляет их обращаться к рациональным принципам в артикуляции и аргументации в пользу своих положений. Однако следует отметить еще одно положение Николая Плотникова, а именно то, что такая функция философии преуспевает в рамках отдельной культуры благодаря своей институционализации. Следует совершить «переход от типизированной деятельности отдельных индивидов, действующих "по традиции", к институту, т.е. структурированной деятельности, подчиненной определенным нормам и правилам»²³. Таким образом, институционализация и правила действий института философии позволят выявить основные ее черты в определенное время определенной культуры.

Продолжая логику данного подхода, советскую философию следует изображать как институт, особенности которого связаны с взаимодействием с властью, ее легитимацией. Среди основных черт такого взаимодействия необходимо назвать следующие:

Язык и логика чисто философских дискуссий часто обращаются к идеологическим положениям марксизма, особенно советского толка. Это относится не только к официальной философии, но и к философии «в сумерках», то есть мысли, скрывающейся от ока властей.

К концу существования СССР советская философия в большинстве своих «регионов» настолько органично впитала в себя марксистский историзм, что это не позволяло ей видеть ни привлекательности аисторичных философий Запада, ни альтернативных типов историзма, развивавшихся во всем мире.

Часть функций философии была передана научным дисциплинам, в частности предискурсивные конвенции общенаучного знания. Тем самым, происходила эвакуация философии в «общенаучные дисциплины», которые занимались предискурсивными установками для всего комплекса наук и были промежуточными

²² Плотников Н. Советская философия: институт и функция // Логос. 2001. № 4(30). С. 107.

²³ Там же. С. 109.

по отношению к философии, точным и естественным наукам (среди них: методология науки, рефлексивная социология, семиотика, теоретическое и математическое языкознание, кибернетика, культурология и наука о коммуникации). Это сопровождалось и переходом специфически философских дискуссий на полосы естественнонаучных или внедисциплинарных журналов. Фактически, методологическая рефлексия науки теряла имя философии, но как философская функция внедрялась в советскую науку и культуру.

Атомизация философских дисциплин, которые под покровом многомерных и многоуровневых академических структур удерживали дистанцию по отношению к официальной идеологии. По данным Плотникова, если в 1962 году в институте философии АН СССР было четырнадцать секторов, то в конце 1980-х – тридцать два сектора²⁴.

«Многоэтажность» и институциональная сложность советской философии создавали ниши для относительно свободного мышления. Благодаря наличию постоянного идеологического контроля публичной жизни в СССР, философия должна была найти альтернативные пути ведения собственной коммуникации. Эта коммуникация происходила в основном на сокрытых от идеологических инстанций уровнях, оставляя «официальную философию» жертвой властей. Как отмечал Алексей Валевский в своем анализе диамата, «советская философская традиция представляет собой многомерное и в смысловом плане неоднозначное явление. Вопреки уверениям в лояльности относительно доктрины диалектического и исторического материализма, в принадлежности к марксизму-ленинизму, в действительности мы встречаемся с разного рода умалчиваниями, имитациями и фальсификациями»²⁵. Правда ценой за выживание философии в условиях тоталитаризма была низкая академическая культура, отсутствие стиля, незнание языка современной философии и неспособность к диалогу с обществом и элитами.

К этим пяти чертам следует добавить шестую, предложенную Федором Ги-ренком. Она касается языка советской философии. Он, в частности, верно подметил непомерную развернутость «языковой поверхности» в дискурсе советской философии. Это означает, что у дискурса «не было дна», то есть культурной основы, национального образа мира. Словарь такой философии не способен породить понимание действительности и происходящие в ней процессы. Однако это позволяло симулировать мышление. Это положение, с одной стороны, поддерживает радикальную оценку Сергея Пролеева в отношении стиля советской философии, а с другой стороны, оно говорит о том, что симуляция относится не к мышлению, но речи – и в определенных ситуациях. Лишь на официальном уровне «советская философия – это эффект работы с языком. Это языковое явление,

²⁴ Там же. С. 113.

²⁵ Валевський О.Л. Діамат як явище філософської культури // Філософська і соціологічна думка. 1992. № 3. С. 47.

утратившее связь с неязыковой реальностью»²⁶. Такой разрыв, по моему мнению, – способ выживания философии в СССР. Использование фиктивного языка позволяло запустить такие языковые игры, которые допускали существование философского мышления в тоталитарном обществе – вне сферы публичности, на обочине официальной науки, под прикрытием пустых или непонятных официозу имен.

Таким образом, советская философия – это феномен истории философии. Мышление тут происходило в условиях постоянного идеологического давления, потому обладало целым арсеналом способов ухода от ограничений. Институционализация философии происходила так, чтобы ее функции действовали, но не обязательно вместе с философским самоименованием. Советская философия является крайне разнообразной по стилям и многоуровневой: здесь видное место занимает советская марксистская доктрина – диамат, под покровами которой прорастали еретические способы мышления разной степени марксистскости, вплоть до прямого антикоммунизма и диссидентства. Благодаря этому, советская философия – сложный предмет для изучения, который предстает как принципиально сопротивляющийся раскрытию и обычным методам историко-философского анализа. Советская философия – это парадоксальное мышление с одновременным просвещенчески-эмансипативным намерением и откровенной несвободой исполнения, навязчивой официозностью и сокровенностью мудрости, красноречием и бессмыслицей. Тот факт, что море трактатов по диалектическому и историческому материализму лежат на полках без явного на них спроса, говорит одновременно о ненужности этого достояния современному философствованию, и оставляет надежду на будущие открытия важных уроков для философии в целом.

Периодизация советской философии

Глубокое изучение истории советской философии еще впереди. Сейчас же, учитывая потребности данного исследования, укажу на пять этапов становления советской философии, в которых формировались образовательные институты советской философии с ее до сих пор влиятельным содержанием и стилем.

1. *Эпоха становления марксистско-ленинской философии (1918 – 1935)*. Для этой эпохи характерным является поиск нового типа институционализации философии в культуре, которая выдвигала на первый план «философскую науку» – «научный социализм». Для этих семнадцати лет характерны:

укоренение разделения на правильных (лояльных, публикуемых) и неправильных (не подлежащих публикации) философов;

²⁶ Гиренок Ф.И. Советский дискурс. http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gir_sprache.html. Последнее посещение 20 мая 2014.

поиск нового способа объединения научных кадров, который имел бы характер идейного производства «на правильной платформе» исторического и диалектического материализма;

установление нового «марксообразного» языка, закрепляющего доминирование марксизма;

введение претоталитарных способов цензуры философского творчества и создание ранней системы советских философских учреждений;

введение идеологической монополии в философском и общем образовании.

Различие правильных (лояльных марксистов) и неправильных философов имело место еще в рамках мышления гражданской войны. Превращая страну в плацдарм мировой революции, большевики должны были обеспечить в СССР такие идеологические условия, при которых марксизм-ленинизм мог бы стать руководством к действию. Однако свежесть идей Маркса и «живое творчество масс» во многом в этот период еще не приобрели репрессивного характера. В это время советская философия лишь формирует свой стиль, который позже будет определять ее официальную поверхность.

Важным событием для становления советской философии стали «философские поезда и пароходы». Революционное правительство в 1922 году высылает Н.О. Лосского, П.А. Сорокина, С.Л. Франка, Э.Л. Радлова, Н.А. Бердяева и многих других немарксистских философов за пределы пролетарской страны. Параллельно с умеренными репрессиями против «белых» философов большевики создают систему учреждений, где собираются лояльные мыслители. В 1918 году создается Социалистическая академия общественных наук (с 1924 года – Коммунистическая академия). В 1921 году создана сеть Институтов красной профессуры. Обе системы обеспечили советские республики и рабоче-крестьянскую Красную армию кадрами, способными вести образовательную деятельность и пропаганду в марксистском духе.

Вместе с этим, в 1920-е и до начала 1930-х годов вместе с марксистской философией в публичном пространстве присутствует еще целый ряд альтернативных философских направлений. Хотя качеству и глубине философского процесса «философский пароход» нанес решающий удар, немало немарксистов, включая Густава Шпета, Михаила Бахтина, Льва Выготского, Бориса Фохта и Алексея Лосева имеют возможность работать и печататься. К тому же, в 1920-х годах переведено и издано значительное количество философской классики, среди которой немало мыслителей, не имеющих отношения к марксизму.

Однако уже в конце 1920-х становится очевидным тот факт, что переводы все больше касаются философов-материалистов (или тех, кого можно проинтерпретировать в этом ключе). На переломе третьего и четвертого десятилетий XX века в основном издаются тексты классиков марксизма и их предшественников. Издательская активность 1920-х к середине 1930-х сходит на нет. До этого замирания на русском выходят переводы Аристотеля, Платона, Демокрита, Гельвеция, Голь-

баха, Дидро, Ламетри, Пристли, Толанда, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха и других. В большом количестве издаются учебники марксизма, среди которых заметно серьезное интерпретативное разнообразие – «магистральной линии партии» тут еще не было. На это время приходится расцвет раннего не-догматического советского марксизма. Можно ожидать, что вскоре начнется волна исследований марксизма этого периода. Ибо именно в этот период активно печатаются такие мыслители как А. Деборин, Н. Карев, В. Асмус, В. Брушлинский, Б. Чернышев, И. Боричевский, П. Блонский, С. Лурье, А. Маковельский, Д. Мордухай-Болтовской, В. Сережников и О. Фрейденберг.

Примером открытости и разнообразия официальной марксистской мысли может служить дискуссия «механистов» (Л. Аксельрод, А. Тимирязев, А. Варьяш, И. Скворцов-Степанов, Вл. Сарабьянов) с «диалектиками» (А. Деборин, Я. Стен, Н. Карев, Гр. Баммель) относительно статуса марксистской философии в связи с наукой и властью. С одной стороны, стиль выражения мыслей и стиль аргументации говорят о марксизме как об открытой для толкований системе взглядов. Однако при этом обе стороны добавляют к чисто теоретическим дебатам аргументы политически-репрессивного характера. Наконец, к началу 1930-х результатом философской дискуссии зачастую становится исключение из рядов партии проигравших дебаты философов и повышенное внимание партийных функционеров и спецслужб к победителям. Схемы, наработанные в дебатах «механистов» с «диалектиками», потом заработали в таких громких дискуссиях, как спор Деборина с Вернадским (1929-30 годы) о связи науки и философии, а потом и в «дискуссии» философов-сталинистов (М. Митин, П. Юдин, В. Ральцевич) с деборинцами (1930-1932). Результат таких дискуссий становился поводом для репрессий представителей «неправильных течений» силами власти. Тот же стиль повторялся во всех образовательных и научных учреждениях до самого низшего уровня и до самой политически нейтральной научной дисциплины. Тотальное общество создавалось не только советскими властями, но и советскими интеллектуалами.

На протяжении этого периода становятся очевидными изменения языка философствования. Если в начале 1920-х появляются несколько проектов перевода научной и философской литературы на русский и некоторые другие национальные языки (украинский, грузинский и узбекский), то уже в конце 1920-х эти проекты сворачиваются, поскольку не отвечают логике централизации власти. Мобилизация сил на «идеологическом фронте», активизация антирелигиозной пропаганды, борьба с частной собственностью в селе и городе выдвигали четкие требования к цензуре мысли, особенно в области философии и социальных наук. Отчасти эта цензура проводилась языковыми методами. В республиках СССР политика перевода делопроизводства на официальные языки сопровождалась серьезной ревизией/реформой национальных языков и русского языка. В словари вводится немало интернационализмов и особенных марксистских терминов, ко-

торые слишком часто использовались и в научной литературе, и в СМИ, и в ежедневном общении пропагандистов-массовиков. Философия довольно быстро приняла эту особенную смесь в качестве своего родного идиолекта, достаточно серьезно ограничивающего неисторицистские, немарксистские исследования. Марксоидный жаргон стал всеобщим языком философии на подавляющем большинстве ее уровней: от памфлетов Митина до трактатов Лосева.

Волна институционализации философии в СССР в этот период характеризовалась рывками. То подготовку философов вообще отменяют (с 1923 по 1926 философского образования в СССР не было вообще), то выдвигают к сетям подготовки красной профессуры требование обучать «стихийных» философов-марксистов. Начало философскому образованию в СССР положило открытие философской специальности в Московском университете на историко-археологическом отделении в 1926 году. Тут среди преподавателей были только марксисты. Если теоретические разработки свободным философам еще позволяли, то за образованием новых советских философов контроль власти был установлен быстро. Уже 1926-28 гг. сложилась система воспроизводства тоталитарной несвободы мышления, основанного на разделении образования и исследования, учебного заведения и академического учреждения. Учреждения этого периода имели двойную задачу: 1) идеологическую, то есть разработки «теории и практики социализма», и 2) образовательную, то есть «подготовки работников социалистического строительства, их объединения».

Таким образом, период укоренения советской философии стал временем накопления институционального и кадрового потенциалов, создания политико-идеологических механизмов контроля мышления на официальном уровне и уровне образовательных учреждений, и даже выведения философских кадров за границы вузов. Так, в 1931 году философы и психологи из МГУ были выведены в отдельную структуру Московского института истории, философии и литературы (т.н. «МИФЛИ»). Это учреждение служило образцом для создания идеологических «образовательно-философских» учреждений в Ленинграде, Киеве, Тбилиси и других научно-административных центрах Союза. В это время идеологическая компонента еще только отстраивалась, и в ней не было единой четкой и понятной философской магистрали. Внутренние дискуссии происходили между различными группами, которые по-новому толковали марксистско-ленинские положения. Связь этих центров с системой общего и высшего образования имела разнообразный, неустоявшийся характер. Линии открытой коммуникации между философами СССР и между советскими и зарубежными философами существовали, хоть и функционировали не лучшим образом.

2. *Эпоха идеологического бешенства (1935-1955)*. В этот период советская философия пережила свое истинное рождение и получила свое классическое выражение. Если «беременность» 1920-х – начала 1930-х проходила более-менее мирно, то травматический опыт рождения в сталинскую эпоху заложил в фунда-

мент философского процесса на наших территориях несколько мыслительных матриц, которые действуют и ныне. Среди них: страсть связывать государственную идеологию с философией, поиск обоснования действий власти в «правильных» этических кодексах и официальных историях, разрыв университетской и академической философии, административно-финансовый контроль правительства за учебными программами и т.д. Сталинская философия сформировалась на заседаниях партийных активов академических и образовательных учреждений, где внешне-пролетарский стиль Деборина и Аксельрод стал фундаментом, а «оргвыводы» в стиле НКВД приводили к арестам и осуждению и проигравших, и победителей. Идеологическое бешенство охватило верхние этажи советской философии, уменьшив пространство свободного философствования до размеров ящиков письменных столов философов по всем советским республикам.

Именно в этот период происходит создание единой идеологической линии марксистско-ленинской философии в сталинистском толковании. Тут окончательно утверждается идеологическое содержание официального этажа «советской философии» и создается система его производства и сохранения. Отдельные учреждения типа Коммунистической академии реорганизуются и объединяют в рамках Академии наук СССР и республиканских академических структур. Окончательно утверждается тоталитарный разрыв философских исследований, пусть и сведенных к «теории и практике научного социализма», и высшего образования. Высшие учебные заведения становятся центрами изучения утвержденного материала, продуцирования идеологических работников, часть из которых – соответственно их лояльности – получала допуск к теоретическим философским поискам в рамках дозволенного в Академии.

Важным фактором развития философского процесса в этот период стало формирование установки о «единой верной философской позиции» марксизма-ленинизма: ЦК ВКП(б) издает указ «О педологических извращениях...», который устанавливает тотальный партийный контроль за образованием. Также, в 1938 году выходит *Краткий курс истории ВКП(б)* с четвертым разделом «О диалектическом и историческом материализме» за авторством Иосифа Джугашвили. Вождь мирового пролетариата установил догматы веры диамата, которые в неизменной форме дожили до 1991 года. Инструкция по применению сталинского материала в философском и общем образовании была изложена в ноябрьском постановлении ЦК ВКП(б) 1938 года «О создании партийной пропаганды в связи с изданием *Краткого курса истории ВКП(б)*». Было создано Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), контролировавшее всю официальную философскую жизнь, в том числе и образование.

Сталинский текст заложил структуру преподавания исторического и диалектического материализма, а также учебников по философии на следующие пятьдесят лет. Именно в этот момент и произошло установление рамок для официальной философии: публичный выход за них равнялся самоубийству. По словам

русского историка и философа Андрея Огурцова, «фетишизация противоборства культур и идеологических направлений, наряду с другими факторами, и привела к утверждению тезиса об усилении классово́й борьбы в ходе строительства социализма, послужив идеологическим оправданием репрессий, когда в атмосфере агрессивности и воинствующего нигилизма ликвидировались целые научные школы, уничтожались люди»²⁷. Поле философии оказалось особенным пространством борьбы: ее положения (характерные для XIX века в целом, и Маркса и Энгельса в частности) толковались особенным образом, объединявшим теоретические, политические и карательные формы выводов. Официальное поле советской философии было превращено в лагерь марксистов, готовившихся к эмансипации человека, ее возвращению к общественной природе, мирового освобождения человечества от оков самоотчуждения.

Органы контроля за философской мыслью (в конце концов, любой научной мысли) планомерно уменьшали пространство существования других, неофициальных уровней философии. Именно в этот период создается система контроля за информацией и текстами немарксистских философов и философов-марксистов, критически настроенных по отношению к сталинизму. Идеологическая и образовательная функции были почти полностью соединены. Диссидентская философия стала почти невозможной. Так «советская философия» приобретает свои самые негативные черты. Господство философов-сталинистов М. Митина, П. Юдина, В. Егоршина, М. Каммари и других привело к установлению в философском мышлении культа личности И. Джугашвили, и физическому уничтожению таких философов, как Н. Караев, И. Луппол, С. Семковский, Я. Стен, Г. Шпет, П. Флоренский и многих других.

Биологически, организационно и статистически официальная советская философия завершила свою институционализацию в конце 1940-х годов. К этому времени была создана или восстановлена работа сети центральной Академии наук и республиканских наук, университетов с философскими факультетами, аспирантур и докторантур. На 1946 год в советской системе науки и образования работают 4836 преподавателей, из которых только 44 были докторами философских наук; 75 процентов преподавателей не имели научного звания. Парадоксальным образом, институционализация идеологических органов, вопреки желанию, создавала и институализированную философию. Интересы и задания философских образовательных учреждений, несмотря на давление и контроль, обеспечивали распространение знаний (хотя и с минимумом навыков) о философии. Особенную роль в сохранении интеллектуальной жизни играла история философии, открывавшая в исторических исследованиях пространство для собственно философских. Характерным для этого периода является малое количество переводов (современную зарубежную философскую литературу почти не переводили, а доступ к ней ограничивали спецархивами в библиотеках) и активное издание

²⁷ Огурцов А.П. Подавление философии // Суровая драма народа. М., 1989. С. 356.

системных больших многоязыковых работ по истории философии. Всеохватность этих изданий устанавливала границы интерпретации домарксовых философов и философов-немарксистов. Точно так же устанавливается монополия на толкование классиков марксизма. Партийность и классовый подход в философии вытесняют личностный, устанавливают до сих пор действенную наглядную научность и риторическую объективность философских публикаций.

Что касается философии в Украине, то только в 1933 году, когда была восстановлена работа Киевского университета, возвращается и академическая философская жизнь. Следует отметить, что, хотя идеологические задания в университете и занимали основное место, вместе с «красной профессурой» в университете работали известный историк философии В.Ф. Асмус, специалист по проблемам философии средневековья Л.М. Беркут и М.И. Перлин, знаток социальной философии. Тем не менее, говорить о наличии активной философской жизни в Киеве нет оснований. Была нарушена традиция Киевской школы русской философии, не имели продолжения идеи Владимира Юринца, работавшего в Харькове. В целом, Харьковский институт марксизма-ленинизма оказался интересным и плодотворным центром советской философии, правда не на долгое время – репрессии конца 1930-х годов прекратили существование философской мысли и там, и в Киеве.

Новая попытка прививки философии в Украине произошла в Киевском университете в 1944/45 учебном году, когда после освобождения украинской столицы была восстановлена работа университета и возрожден философский факультет. В составе факультета действовали три кафедры: диалектического и исторического материализма (заведующий Ф.Ф. Еневич), педагогики (заведующий С.Х. Чавдаров) и психологии (заведующий А.Н. Раевский). Еще через год открывается четвертая кафедра – истории философии, возглавляемая профессором Н.С. Шлепаковым. Факультет готовил не только философов, но и психологов с логиками. Если в 1947 году на факультете работали 4 профессора и 20 преподавателей, то в 1955 году – 5 профессоров и 37 преподавателей. Среди тем исследований – «Мировоззрение Т. Шевченко», логические и методологические проблемы диалектики, история материализма (например, наследие Г. Плеханова) и т.д. В это время начал свою научную карьеру Владимир Шинкарук, оказавший серьезное влияние на философский процесс в Украине в 1970-1990-е годы.

Подводя итог, следует сказать, что философия в этот период приобрела статус официально важного дела. Благодаря этой особенной для государства и общества важности над ней был установлен жесткий контроль, введена система учреждений и мер, позволявших контролировать публичное выражение мыслей философов, и установлено правило «генеральной линии» партии. Как главная наука, философия соединяла идеологические задания с определением языка и заданий для науки, приспособливая весь корпус наук к заданию «максимального прибли-

жения к практике социалистической реконструкции»²⁸. Официальная философия институционализируется в виде целостной направляемой системы заведений, исполняющих, в первую очередь, идеологическую функцию.

3. *Эпоха идеологической растерянности (1956-1964)*. Вместе с «хрущевской оттепелью» и отказом от «культы личности» на XX съезде КПСС приоткрывается публичное пространство для философии, а коммуникации между различными «этажами» советской философии заметно упрощаются. Эти недолгие изменения были нужны тоталитарной системе, чтобы иметь возможность оценить и переформировать структуру власти и идеологического контроля в Союзе. Следует согласиться с Адамом Уламом, что для эффективности своего контроля тоталитаризм требует то усиления, то ослабления террора²⁹.

В период пересмотра строения властных институтов и стиля реализации власти, философия получает определенное пространство для собственной реорганизации. После страшных человеческих потерь во время репрессий и Великой отечественной войны философские учреждения стали обновляться по всему Советскому Союзу. В столицах республик были назначены новые главы институтов философии и избраны новые деканы философских факультетов. На полосах философских и исторических журналов стали издаваться статьи, отличавшиеся по содержанию от «линии партии». Также начали выходить книги и статьи со скромными и аккуратными попытками переоценки эпохи «идеологического бешенства» и роли философии в ней (А. Солженицына, Б. Дьяконова, А. Зиновьева и других). Однако все эти попытки имели фрондерский характер.

В эту эпоху значительный резонанс получают публикации в «самиздате», берущем на себя главную коммуникационную роль в информировании в том числе и о диссидентских и западных философских подходах к оценке ситуации в СССР. Забытая культура вольнодумного философствования стала восстанавливаться благодаря самиздатовским спискам. Однако ни распространение этих текстов, ни скорость ведения дискуссии не могли удовлетворить потребность в нормальной и эффективной философской коммуникации и разработке альтернативного неофициального способа вещания. Следует также отметить ведущую роль российских центров в этом процессе. Спорадическое появление текстов украинских и грузинских мыслителей в самиздате имело место, но не устанавливало ни основных тем для дискуссий, ни свидетельствовало о каком-то серьезном философском процессе на своих территориях.

Восемь лет «идеологической растерянности» во многом стали началом для современной украинской философии. С приходом в киевский Институт философии Павла Копнина начался процесс продолжительной институционализации и наращивания кадрового потенциала в философии УССР. Сотрудничая с философ-

²⁸ Тасиц Н.А. Государственная политика СССР в сфере науки (1929-1941 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 27.

²⁹ Ulam. The New Face of Soviet Totalitarianism. P. 399.

ским факультетом Киевского государственного университета, значительное развитие приобретают исследования как идеологических сфер философствования (исторический и диалектический материализм), так и философия науки. Сам университет пережил реорганизацию, когда исторический и философский факультет были «спаяны», а среди кафедр появились 1) кафедра истории и теории атеизма, центра антирелигиозной пропаганды в увеличенной УССР; 2) кафедра новейшей философии; 3) лаборатория конкретно-социальных исследований, ставшая первым центром социологии в УССР.

Отдельно следует сказать о том, что во время «шестидесятников» советская философия (в частности, в Украине) переживает волну восстановления коммуникации между своими «философскими этажами». Диссидентская и академическая философия на определенное время получают возможность тесного общения. Приходится согласиться с Василем Лисовым, который в статье «Украинская философская мысль 60-80-х годов» рассказывает о том, что «между широким интеллектуально-культурным движением шестидесятников и профессиональной (академической) философией 60-80-х годов не существовало резкой границы не только в идейном отношении, но и с точки зрения персоналий»³⁰. В качестве примера философ приводит те факты, что диссиденты Е. Сверстюк, В. Стус и И. Дзюба учились в аспирантуре, академическими сотрудниками были И. Свитличный, М. Брайчевский, М. Коцюбинская и другие. Это позитивным образом влияло на обе философские сферы. Украинская неакадемическая философия, менее подверженная цензуре, восстанавливала связь с некоммунистическими идеологиями. На то время следует назвать как минимум две группы: либеральных демократов и национал-консерваторов. Целью первых являлась демократизация СССР и установление либерального режима во всех республиках Союза. Национал-консерваторы тяготели к этнокультурным ценностям и во многом поддерживали националистический дискурс. Вместо этого, академическая философия все более концентрировала внимание на исследованиях логики, ее отличиях от диалектики, тем самым развивая рационалистические добродетели философского цеха. Также, история философии приобретает признаки дисциплины, в которой возможна довольно значительная сфера философских исследований неортодоксального типа. В частности, это касалось западной «современной буржуазной» и украинской философии.

Важно отметить, что эти изменения постепенно коснулись и осознания нужд и задач философии в Украине. Первые идеи об основании отдела украинской философии появляются именно в это время. Среди историко-философских украинистических исследований – изучение «философского наследия» П. Грабовского, И. Франко, Л. Украинки. Ценность этого феномена была в попытке соединить

³⁰ Лісовий В. Українська філософська думка 60 – 80-х років (стаття перша) // Філософська думка. 2007. № 3. С. 64-80.

философию с этнокультурной основой, противоречившая установке советского марксизма с его общечеловеческой и моноклассовой оптикой.

4. *Эпоха идеологического цинизма (1965-1985)*. Брежневский переворот и установление неосталинистской идеологической системы Михаила Суслова не изменили тенденции, сформировавшейся во времена оттепели. Развитие философии на всех ее уровнях претерпевало дальнейшую институционализацию, доступнее стало получение информации о западных философских исследованиях, а философское образование, хотя и оставаясь по сути материалистически-догматическим, стало качественнее.

По данным А.П. Огурцова³¹, в 1975 году философское образование получали 4370 студентов на философских факультетах семи университетов (точнее, в Казахском, Киевском, Ленинградском, Московском, Ростовском, Тбилиском и Уральском университетах). В 1970-е годы эти факультеты выпускали от 700 до 800 специалистов по профилю «философия» ежегодно. По состоянию на 1976 год 13745 преподавателей философии обеспечивали преподавание марксистско-ленинской философии во всех высших учебных заведениях СССР. На тот период среди них был 351 доктор и 6554 кандидата наук. При этом высшую квалификацию специалисты по философии получали при аспирантурах вузов, институтах АН СССР и республиканских академиях, Академиях общественных наук при ЦК КПСС и республиканских партийных организациях, а также при Высших партийных школах.

Философский факультет Киевского университета был восстановлен (после длительного объединения с историческим факультетом) как самостоятельное отделение в 1965 году вместе с ростом внимания к идеологическому образованию. На тот период факультет насчитывал 8 кафедр: истории философии, философии гуманитарных факультетов, философии естественнонаучных факультетов, этики, эстетики и логики, психологии, педагогики, истории и теории атеизма, научного коммунизма. Деканом стал ученик Копнина, молодой профессор философии В. Шинкарук, управлявший факультетом до 1968 года.

Учебные планы по специальности философия на территории всего Союза разрослись за счет общекультурных курсов и включали в себя следующее:

- диалектический материализм;
- исторический материализм;
- история зарубежной философии;
- история философии народов СССР;
- история марксистско-ленинской философии;
- современная буржуазная философия и идеология;
- эстетика;
- этика;

³¹ Подробнее об этом см. статью «Философское образование» в *Большой Советской Энциклопедии*. <http://bse.sci-lib.com/article116306.html>. Последнее посещение 20 мая 2014.

история религии и атеизма;
блок всемирной истории (от истории древнего мира до новейшей истории);
блок социально-экономических дисциплин (научный коммунизм, политэкономика социализма и капитализма, история КПСС);
блок психологических и педагогических наук;
блок естественных и точных наук (основы современной математики, общая и теоретическая физика, основы биологии).

Такая подготовка обеспечивала советских «специалистов по философии» основательным образованием по части общественных и естественных наук. Тем не менее, общее гуманитарное образование серьезно отставало из-за отсутствия фундаментальных гуманитарных курсов. Наихудшей была ситуация со знанием языков (классических и современных), навыками критического анализа, умением академического письма и публичного выступления, богословскими исследованиями. Общие рамки учебного плана были настроены на репродукцию материалистического и марксистско-исторического мировоззрения среди людей, получивших философское образование.

Подготовка философов-преподавателей была поставлена на поток после 1966 года, когда во всех учебных заведениях СССР был введен обязательный курс «научного коммунизма». Во время проведения этого идеологического курса специалисты-философы должны были быть готовы не только обеспечивать усвоение смысла курса, но и отвечать на вопросы «незрелой» молодежи. Внимательно читая тексты той поры, посвященные преподаванию научного коммунизма, становится очевидно, что преподаватели сталкивались с массой сложных с точки зрения марксизма-ленинизма вопросов, в частности тех, которые были связаны с различием провозглашаемых принципов и реальной жизнью в СССР. Философские факультеты издавали т.н. «методические рекомендации» для поиска правильных ответов на проблемные вопросы. Так, например, в статье «Проблемно-методические пособия для помощи преподавателям научного коммунизма» речь идет об обобщении опыта преподавателей научного коммунизма и рекомендации давать «верные пропагандистские решения», основанные на целом перечне примеров из советской жизни³². Фактически, курс носил прежде всего пропагандистский характер, а не образовательный, потому и логика ответов была нацелена на убеждение слушателей, а не развитие их мыслительных способностей.

Кроме такой специфической образовательной ситуации философский процесс в СССР характеризовался еще и следующими особенностями:

осторожная «национализация» философских учреждений в СССР;

³² Тадевосян Е.В., Мнацаксян М.О., Жиромська І.П., Кравченко С.О. Проблемно-методичні посібники на допомогу викладачам наукового комунізму // *Філософська думка*. 1987. № 6. С. 110-112.

появление поколения философов, для которых марксистская философия была открытой платформой для мышления (во многом из-за отсутствия иного опыта философствования);

развитие методологии науки и эпистемологии, которые частично отвечали потребностям естественных и точных наук и были мало связаны с историческим и диалектическим материализмом;

развитие истории философии, которая играла фундаментальную роль в удержании протяженности философского процесса на всех уровнях советской философии;

разложение системы идеологического контроля.

Говоря о национализации, речь идет прежде всего о тенденции в развитии философских центров в советских республиках. В 1960-е и 1970-е годы значительного институционального развития философия достигает не только в Москве и Ленинграде, признанных центрах философской мысли, но и в до этого опустошенных Киеве, Минске, Риге, Таллинне, Тбилиси и Алма-Ате. Вместе с упадком сталинизма и скрытым умеренным этнонационализмом в Москве, этнонационалистические тенденции имелись и в советских республиках. В философии это отразилось в виде открытия отделов изучения национального наследия в философии. Так, например, несмотря на суровый контроль республиканских ЦК за нераспространением «буржуазного национализма», во второй половине 60-х годов в Киеве начинает работу группа исследователей Могиланского философского наследия. Под политическим прикрытием П. Копнина, сначала директора Института философии АН УССР, а потом директора Института философии АН СССР, группа предприняла ряд исследований, которые на предискурсивном уровне укоренили возможность проведения исследований в сфере украинской философии. Позже, идеологические и методологические основы этих предискурсивных конвенций сыграли свою роль в начале 1990-х годов, когда единственным способом легитимации независимой Украины (как, в конечном счете, и Грузии) стал именно этнонационализм.

Кроме первого уровня личностей в философии (начальников академических институтов и университетских факультетов, идеологических работников ЦК и их окружения, известных философов-марксистов) появляется целая плеяда нового поколения философов, которые и сегодня во многом влияют на темы и подходы к философствованию в Украине и других постсоветских странах. В частности, речь идет о Владимире Библере, Николае Трубникове, Павле Копнине, Генрихе Батищеве, Мерабе Мамардашвили, Александре Зиновьеве, Вадиме Иванове, Михаиле Петрове и многих других. Структура исследований в философии все усложнялась, что позволяло появляться хотя бы небольшим сферам для самостоятельного мышления. Философия и методология науки, философия культуры, эпистемология и логика получили серьезное развитие и начали привлекать внимание философского сообщества вне СССР. Параллельно, политическая фило-

софия, социальная философия и философия истории пребывали под полным идеологическим контролем и обладали довольно небольшой ценностью для современного мышления.

Несмотря на всю контролируемость и идеологичность, развитие философских исследований в форме «истории философии» и «критики буржуазных учений» позволяло получать односторонний доступ – затрудненный и для узкого круга – к современной немарксистской философской мысли. Упрочились философские официальные издания, в том числе и языками национальных республик. Своеобразное символическое значение получили исследования по немецкой классической философии, за которой, благодаря ее значимости в становлении марксизма, признавалось право не только на существование, но и активное развитие. Более того, в исследованиях философии немецкой классики оформились два лагеря – «кантианцы» и «гегельянцы», на основе которых своеобразную подготовку получали открытый и закрытый/системный способы философского мышления. Несмотря на то, что эти классические модели для XX века были уже довольно архаичными, на их основе потом усваивался весь материал философского наследия Запада во время Перестройки и распада Союза.

Наконец, следует вспомнить появление еще одной тенденции, которая до сих пор присутствует в нашем философском дискурсе и влияет как на интеллектуальные практики, так и на действенность новых постсоветских идеологий. Речь идет о цинизме. Если во время правления Иосифа Джугашвили и Никиты Хрущева идеологические установки марксизма-ленинизма во многом были несомненными для подавляющего большинства тех, кто их исповедовал, то в конце 1970-х годов достигают акме представители поколения, способного при помощи цинизма уменьшать интроекцию марксистского символа веры. Хотя на уровне риторики марксоидный язык остается, личная дистанция мыслителя уже становится ощутимой. Этот феномен позволял сохранить собственную свободу, однако – ценой самоуничужения. Циничное мышление унижало честь философа и уменьшало продуктивность философии в целом. Вдобавок, цинизм во многом возник позже, после распада СССР, помогая пережить мировоззренческий кризис многим интеллектуалам. Впрочем, как и в советское время, глядя сквозь призму эвристики, цинизм обрекал философствование на бесплодие. Оттого немало текстов, имеющих пристойное качество мысли и считавшихся валидными в 1970-е и 80-е годы, сегодня не пользуются спросом, ибо они написаны или догматически (верными марксистами), или цинически (скрытыми диссидентами). Масса философской литературы советской эпохи (кроме некоторых неофициальных и диссидентских изданий) остается вне какого-либо спроса у современных философов: нам хватает своих догматиков и циников.

Тоталитарный способ мышления и управления не оставлял много шансов на самостоятельное определение направления реформ. Так, еще в 1983 году на «июньском пленуме» ЦК КПСС звучала вполне сталинская риторика в ответ на

все большее недовольство уровнем жизни в обществе: «Следует развивать политическую бдительность советских людей, их непримиримость к враждебным взглядам, умение противостоять идеологическим диверсиям классового противника, оппортунистическим набегам на реальный социализм»³³. Попытка андроповских реформ и усиление идеологической цензуры показали, что тоталитаризм утратил и человеческие, и структурные ресурсы для возвращения к идеократии. Таким образом, Перестройка выглядела – как минимум, с точки зрения современности – единственной возможной попыткой провести глубинные реформы социалистического государства, сохраняя однопартийность и ограниченность частной собственности.

5. *Эпоха идейного плюрализма Перестройки и упадка советской философии (1986-1991)*. К началу 1980-х годов советская индустрия и государственный сектор столкнулись с проблемами, порожденными их собственным успехом в образовании, основанном на негибкой идеологической основе без учета нужд современности. Водоразделом во внутренней политике СССР стал XXVII съезд КПСС (27.02-6.03.1986). Отчасти было замечено, что экономический рост заметно сократился, а социальные проблемы возрастали. Необходимы были срочные меры в сфере экономического и общественного развития. Но эти меры зависели от демократичности системы управления и раскрепощенности в анализе и интерпретации причин и следствий пугающих социально-экономических процессов. Одно из главных решений съезда касалось проекта «Основных направлений Перестройки высшего и среднего образования», который в качестве ожидаемого результата устанавливал «новое качество» подготовки кадров для промышленности и управления, а также объединение при подготовке кадров ориентации как на «идейно-политическую зрелость», так и профессионализм.

Горбачевские образовательные реформы совпадают с реформами в Британии и Японии. Реформаторы-перестройщики исходили из того факта, что «новый советский человек» так и не появился в СССР. Систему образования следовало менять, адаптировать к потребностям экономики и эффективного управления. Британия и Япония в 1980-е годы также предстали перед проблемой неадекватности образовательной системы потребностям экономики, но в их случае перед образованием не стояли социально-инженерные задания. На заре глобализации конкурентоспособность становилась критерием успешности образования. Как и в СССР, в этих странах образовательная система зависела от идеологий правящих групп. Однако только в СССР эта позиция имела характер «цемента», державшего вместе страну. Горбачевские реформы были направлены на смену «скрепляющего материала» Союза.

Роль философского образования в этом аспекте общественных преобразований была, очевидно, едва ли не определяющей. Чтобы быть действенными, плюрализм и гласность должны были получить моральное и идеологическое обоснование.

³³ Материалы Пленуму ЦК КПРС, 14-15 червня 1983 р. К., 1983. С. 70-71.

вание. Философия должна была обеспечить общество такими передискурсивными конвенциями, которые бы позволяли применять плюрализм мнений и публичное обсуждение политической и общественной жизни (гласность), не подвергая при этом риску единство страны и ее успешное развитие. Однако многослойность философии, ее ставшая традиционной неготовность к публичным действиям, к разговору с властью и обществом, мешала дать удовлетворительные ответы.

Основным ожиданием от философии было «расколдование» советского мира. Следует согласиться с Анатолием Тихолазом, что разоблачительность была чуть ли не определяющей чертой стиля Перестройки³⁴. Замалчиваемые факты о преступлениях власти и героях-диссидентах, массы мифов о центральных идеологических кумирах и демонизированных противниках советской власти довольно быстро оказались в центре внимания общества. Однако философия не смогла взять на себя роль веберовской науки, которая с помощью рационализации жизненного мира, делала бы его более открытым и секулярно-моральным. Официальные философы не были способны сказать что-либо валидное, поскольку либо апеллировали к постулатам уже неуважаемого марксизма, или же срывались на циничные шутки, имеющие небольшую популярность. Неофициальные – диссидентские философы – быстро ангажировались в политические движения. Если во время идеократии они пребывали в четкой оппозиции официозу, то при плюрализме они оказывались в ситуации распыления: распавшись на лагеря либералов, социал-демократов, национал-патриотов и т.д., их голоса были слишком противоречивыми, чтобы быть услышанными.

Вместо философов миссию расколдования взяли на себя историки, социологи и журналисты, что не позволило глубоко повлиять на рационализацию жизненного мира позднесоветского общества. Советские историки, имевшие достаточно малый выбор методик исторического исследования, все время апеллировали или к националистическому прочтению истории, или к государственническому, тем самым радикально сужая рамки, в которых могли бы формироваться публичные дискуссии и взгляды на прошлое и будущее. Социологи, во многом отделяясь от философского цеха именно во времена Перестройки, лишали и без того слабую философию возможности формулировать социально-философские междисциплинарные задачи, понятные политикам и общественным деятелям. Сами социологи нуждались в определенном времени для институционализации, благодаря чему их рационализирующее влияние стало сказываться лишь в начале 1990-х годов. Последующая коммерциализация социологии и превращение ее в метод соцопросов и прогнозирования выборов значительно сократили возможность выполнения веберовского предписания. Вместе с тем, поверхностная рационализация, на которую были способны хорошо образованные и руководимые хоро-

³⁴ Тихолаз А. Радянська та пострадянська міфологія у світлі філософії міфології // Дух і літера. 1998. № 3-4. С. 60.

шими, несколько морализаторскими намерениями журналисты, способствовала широкому охвату различных читающих слоев населения. Это со временем сыграло свою роль в распространении этнонационалистических вкусов, основанных на романтической антирационалистической установке, среди жителей большинства советских республик, а позже, уже после распада СССР, препятствовало развитию публичной политики и искоренению тоталитарных институтов в новообразованных постсоветских странах.

Философские институты и факультеты в СССР не сразу приняли призыв к плюрализму. Идеологическая инерция и медленно исчезающий контроль сдерживали философские исследования и коммуникацию с зарубежными коллегами. В Москве демократизация философского образования произошла раньше, чем в столицах республик. Большую огласку получили события во время выборов декана философского факультета МГУ. На выборах профессор Александр Панин победил «номенклатурных» кандидатов. Под его руководством был открыт целый ряд философских кафедр и началась работа над новым учебником по философии. Группа философов и социологов под руководством Т.И. Фролова разработала новый «перестроечный» учебник – двухтомное *Введение в философию*, ставшее крайне популярным в советской системе образования, вытеснив «застойные» дидактические тексты. На этом, вероятно, заметные успехи московского факультета и закончились. Уже в 1989 году влияние Перестройки распространилось и на киевский, тбилисский, минский и другие философские центры. Но всюду (разве что кроме прибалтийских республик) философские учреждения сохраняли тесную связь с идеологическими структурами и имели весьма узкое пространство для влияния на стиль и содержание позднесоветской политики.

Отсутствие ответов отечественных философов на нужды общества удовлетворялось не только историками, социологами и журналистами. Ослабление идеологического контроля за издательствами привело к переизданию переводов целого ряда философов Запада и Востока, которые до этого были запрещенными, или же их тексты не были доступны. В 1986-88 годах массово переиздаются дореволюционные переводы или переводы 1920-30-х годов Фридриха Ницше, Зигмунда Фрейда, Карла Густава Юнга, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и т.д. В 1989-91 годах количество переводов философской, исторической и социологической литературы удваивается ежегодно³⁵. Плюрализм мнений, ставший фактом в философии времени Перестройки, во многом был вызван количеством новой информации, доступных текстов, неосвоенных концепций и идей. Этот плюрализм привел к существенной атомизации исследований, концентрации усилий философов на изучении и усвоении нового. Интерес к неведомому замедлял продвижение философского процесса, давая надежду на будущий прорыв в условиях свободы мысли и слова.

³⁵ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов. М., 2005. С. 10-11.

В целом, философский процесс в последние годы Советского Союза характеризуется существенной дезориентацией, которая, с одной стороны, сделала возможными поиски новых направлений в постсоветских философиях, а с другой – не дала возможности повлиять на демифологизацию мира советских народов. Таким образом, советская философия – сложный, интересный и незаурядный феномен мировой истории философии – подошла к собственному концу в тот момент, когда создались условия для ее свободного и внеидеологического функционирования. Сложная, многослойная и разнонаправленная советская философия стала питательной средой, в которой основались или/и продолжили существовать новые философские тенденции в постсоветских странах.

Великие надежды: трансформации философского образования в Перестройку

В этой части статьи будут рассмотрены ожидания, сформировавшиеся у власти и подконтрольной ей системы образования по поводу подготовки философов, изменения самосознания философов, сознания своих заданий и правил коммуникации во времена Перестройки в Украине.

Позднее пробуждение: исторический контекст «перестроечного» философского образования в Украине

Перестройка, инициированная Михаилом Горбачевым в 1986 году, в политической жизни советских республик стала проявляться только после избирательной кампании 1988 года. Коммунистическая партия УССР была крайне консервативной. Идеологи республиканского и областных уровней удерживали сильный контроль и за «Движением в поддержку перестройки» (т.н. Рух), и за откровенно антисоветскими националистическими интеллектуалами, и за ненационалистическими либеральными движениями, и за «демократической платформой» в самой компартии Украины.

Движение к свободе слова и мысли в Киеве 1988-1989 было едва заметно. Основные вопросы политической повестки дня определялись в Москве – как официальными деятелями, так и интеллектуалами. Публичные дискуссии на политические, исторические и социальные темы разворачивались преимущественно в т.н. «центральной прессе», на страницах журналов и газет, среди которых знаменитые *Огонек*, *Новая жизнь*, *Звезда*, *Юность*, *Литературная газета* и многие другие. В частности, вопрос об истории Советского Союза и личной ответственности граждан за преступления тоталитаризма стал фундаментом, на котором появился серьезный спрос на философию. Иногда украинские интеллектуалы того времени (Иван Драч, Иван Дзюба, Олесь Гончар, Виталий Коротич и неко-

торые другие) принимали участие в дискуссиях, особенно касающихся национального вопроса или исторических событий в Украинской ССР.

Во времена Перестройки украинское советское сообщество философов представляло собой малочисленную группу исследователей и преподавателей, которая была органическим элементом философского сообщества Союза и постепенно – к концу существования СССР – приобретала отдельные специфические черты. В своем исследовании начал украинской философской современности П. Яременко верно отметил, что «в силу опосредующего статуса Киев никогда не знал "замкнутого цикла философского производства". Речь идет об утверждении защищенных диссертаций, зарубежных контактах, полноценных научных библиотек, центрах переводческой деятельности и книгоиздания. Несравнимой была и степень неортодоксальности и мыслительной автономности, позволенной в центре и "на местах"»³⁶.

Действительно, перечитывая мемуарные тексты украинских философов последних полутора десятков лет, я отмечаю некоторую невыразительность украинской философии на фоне советской философии вплоть до «поздней Перестройки». Также очевидна большая зависимость от идеологических учреждений и большая подчиненность философской жизни властям. Например, в «Поисках непотерянного времени», выразительного мемуарного произведения, описывающего украинское философское сообщество в 1960-80-е годы, постоянным рефреном присутствует отсылка к другим советским центрам философии. Несмотря на ограниченные рамки для мышления, украинские советские философы находились в постоянной профессиональной коммуникации с коллегами из Москвы и других республиканских центров. Заметные публикации того времени издавались за пределами города/вуза, в котором работает философ. Многие тексты издавались в результате работы группы философов из разных городов и республик. Украинские философы, за небольшим исключением, работали в Институте философии АН СССР, на философском факультете КГУ им. Т.Г. Шевченко и на философских и обществоведческих кафедрах ВУЗов республики. Свои наработки они могли напечатать в двуязычном журнале *Философская мысль* (с 1989 года – *Философская и социологическая мысль*), в спорадических изданиях вузов по общественным наукам, в центральных журналах или журналах других республик. Последние публикации происходили постоянно, поэтому горизонтальное общение (хотя редко на интересные темы) происходило довольно активно. Соответственно, неавтономность украинского советского сообщества философов имела амбивалентный характер.

Однако автономность неизбежно приближалась с ростом этого сообщества, с увеличением докторов и кандидатов в 1980-е годы. Правда, судя по публикациям в самиздате и официальных изданиях, в период до 1985 года, даже после провоз-

³⁶ Яременко П. Украинское философское сообщество в предчувствии совы Миневры // Материалы конференции «Советская философия». К., 2008. С. 33.

глашения эры нового мышления, эта автономность еще не получала своего выражения. Украинских диссидентствующих философов крайне мало.

Активизация процессов в философии становится заметной в Украине лишь к 1989 году. Одна из первых философских публикаций перестроечного типа в Украине – интервью с Н. Чавчавадзе. Известный советский грузинский интеллектуал из когорты «прорабов Перестройки» предложил украинцам изысканную рефлексии по поводу того, кто такой советский философ. Основными чертами были названы догматичность и бездействие. Именно на это, по мнению философа, следует обратить внимание философам-педагогам во время работы со студентами. В новых условиях система философского образования должна воспитывать неравнодушных, активных граждан, склонных к критическому мышлению. Также Н. Чавчавадзе выдвинул приемлемую для киевского философского сообщества гипотезу о том, что главную роль в обновлении философии в СССР должна сыграть философская антропология. Философская антропология – это «этап в нравственной революции»³⁷. Этот призыв был хорошо воспринят в Киеве. Философская антропология в СССР была марксистским суррогатом этики, естественных наук и метафизики. Однако призыв Чавчавадзе касался именно обновления антропологии, критической переоценки ее предмета, задач и подходов. Наконец, интервью Н. Чавчавадзе, кажется, нарушило цензурный барьер в философской печати и после второго номера *Философской мысли* 1989 года пошел публичный процесс преобразований в философии.

Показательным примером нравственной переоценки советского наследия была Всесоюзная конференция философов СССР, проведенная в Киеве в ноябре 1989 года. По сообщению В. Табачковского, основными темами обсуждений были:

преодоление исторического оптимизма, ведущего к пассивности, ибо коммунизм должен наступить без вмешательства каждой отдельной личности;

необходимость повсеместного признания ценности гражданского общества в СССР и ответственность философии за обоснование этого признания;

преодоление государственности мышления граждан, в том числе и интеллектуалов;

признание ограниченности марксизма, в частности в его способности описывать социальную реальность, как в СССР, так и вне³⁸.

При этом главный адресат этой критики – политики, педагоги и публичные интеллектуалы. Это была одна из попыток ответить общественности на ее запросы, однако эти ответы не были столь ощутимыми и приемлемыми, как можно было бы надеяться. Либеральные идеи не находили широкой поддержки у граждан, воспитанных советской школой.

³⁷ Чавчавадзе Н.З. Для меня Перестройка – это нравственная революция (интервью) // Философская и социологическая мысль. 1989. № 2. С. 26.

³⁸ Табачковский В.Г. Світ відкритий тільки для відкритої голови // Філософська і соціологічна думка. 1991. № 6. С. 154-155.

Отношение украинских интеллектуалов к Перестройке формировали три группы. Одну группу составляли представители старшего поколения, для которых горбачевские изменения имели откровенно «ревизионистский» характер. Вторую группу составляли перестроечные либералы, для которых Перестройка была лишь первым шагом в создании «Союза демократий». Третью группу представляли национал-патриотические интеллектуалы. Первая группа не оказывала серьезного интеллектуального сопротивления в философской литературе (хотя у них в руках были административные посты). Национал-патриоты постепенно овладевали философским дискурсом, апеллируя к истории в ее националистической интерпретации. Либеральное движение в философии ярко проявило себя в дебатах по двум проблемам: 1) перспективам трансформации СССР в Союз демократических республик³⁹, 2) трансформации Перестройки из марксистского плана обновления в либеральный проект развития⁴⁰. Наличие этих трех групп очерчивало рамки украинского философского процесса того времени. Первая группа имела меньше публикаций и вообще тяготела не к дискуссиям, а действию, в том числе в политике и педагогике. Вторая группа имела небольшое влияние на события в общественной жизни Украины. Зато подъем национал-патриотических сил в СССР (как, впрочем, и в других республиках) стал главенствующей тенденцией, сказавшейся уже в послеперестроечный период.

Для философской жизни в УССР важным барометром были публикации в журнале *Философская и социологическая мысль (ФиСМ)*. Здесь, в основном с конца 1989 года, стали публиковать – без оглядки на цензуру – свои работы украинские интеллектуалы. Кроме того, здесь публиковались советские и иностранные философы, социологи, историки и психологи. Наблюдая за развитием публикаций, становится очевидно, как в Украине меняются рамки философского мышления: от советского марксизма по смыслу и стилю к либеральной мысли и националистическим изысканиям. Если публикации 1985-1988-го годов представляют собой тексты в марксистском духе, то в 1989 году заметен осторожный плюрализм тем и стилей. В 1989-1990 годах сосуществуют марксистский (с постепенным затуханием), либеральный и националистический способы мышления и высказывания. Однако уже с 1991 года в смешении тем становится очевидным доминирование украиноцентричного подхода, в рамках которого пытаются найти место и демократы, и коммунисты.

Как это показано в Таблице 1, темы публикаций в 1991 году делятся на три группы. В первой группе – конструирование рамок украинской философии как традиции, берущей начало в древней Руси. К этой группе отнесены все публикации (31), касающиеся украинской философии и политической жизни Украины от Руси до 1991 года. Количество этих публикаций почти вдвое превышает количе-

³⁹ Красноречивым примером такого подхода, например, является статья: Крюков В.И. Союз демократий и демократия Союза // *Философская и социологическая мысль*. 1991. № 4. С. 3-10.

⁴⁰ Примером такого подхода является статья: Толочко О.П. Перебудова як християнська ідея // *Філософська і соціологічна думка*. 1991. № 12. С. 3-13.

ство публикаций второй группы, в которую входят тексты, посвященные а) философскому и политологическому анализу развития демократических институтов в СССР (17), б) социологическим исследованиям (12) и в) русской немарксистской философии (10). К третьей группе относятся публикации с частотностью менее одной на номер. Уже к концу 1991 года украинская тематика в философских исследованиях занимает ведущее место, чего не было за все время существования журнала в УССР.

Таблица 1. Тематическое деление статей в журнале *Философская и социологическая мысль* в 1991 году

Тема	Количество публикаций
Украинская философия	31
Демократия, дем. институты, гражданское общество в СССР	17
Социология, соц. Исследования	12
Российская немарксистская философия	10
Экономика, рыночные отношения и социальные последствия	8
Эпистемология и философия науки	8
Европейская философия XX века (немарксистская)	8
Философия Маркса, марксизм	7
Античность	6
Другое	5
История	4
Психология	4
Средневековье	3
Эстетика	3
Атеизм, философия религии	2

Следует отметить, что, в отличие от более поздних времен (середина и вторая половина 1990-х), украиноцентричность не означала изолированности публичного пространства в позднесоветской украинской философии. Это показывает индекс публикаций в *ФиСМ* авторов-иностранцев (Таблица 2). Связь Киева с другими советскими центрами философии была двусторонней: 12 российских, 2 белорусских и 2 грузинских исследователей опубликовали свои тексты в *ФиСМ* в 1991 году. Помимо этого, было по три текста французских и немецких авторов, и по одному от швейцарца, поляка, грека, болгарина и румына. По сравнению со, скажем, 2008 годом (пред-кризисный год для Украины), эта интенсивность интеллектуальной коммуникации украинских философов с зарубежными коллегами выглядит почти невозможной. Очевидно, во времена Перестройки заинтересо-

ванность и интегрированность украинского философского сообщества в советский и европейский контексты была значительно большей.

Таблица 2. Количество статей неукраинских авторов в *ФиСМ* в 1991 году

Россияне (СССР)	12
Французы	3
Немцы	3
Белорусы (СССР)	2
Грузины (СССР)	2
Швейцарцы	1
Поляки	1
Греки	1
Болгары	1
Румыны	1

Указанная тенденция усиления интереса к украинской тематике коррелирует с идеологической и политической ситуацией в УССР в последний год ее существования. Зависимость политической жизни украинской республики от «центра» и появление особых форм политических объединений и идеологий следует отнести к 1990 году. Этот год, по определению Георгия Касьянова, стал временем развертывания «идеологического фронта» между националистами и коммунистами⁴¹. Вопреки благодушным надеждам Фрэнсиса Фукуямы, связанным с его популярной в те годы статьей о конце истории, выразившей тогдашнее ожидание всемирной победы либеральной демократии, на территории УССР соревнование за умы происходило между коммунистами и националистами. Голос либералов можно было услышать разве что из Москвы. Идеологи коммунистов должны были изменить тактику отстаивания действительности постулатов социализма, поскольку привычные формулы больше не убеждали. В 1990 году политбюро ЦК КПУ (заседание 21 июля) принимает новые правила ведения пропаганды с применением аргументов, отсылающих к истории УССР. Как отмечает Г. Касьянов, этот документ «сигнализировал о фундаментальной "смене вех" в идеологическом курсе руководства партийной организации республики – от защиты основ ортодоксального наднационального видения истории к адаптации национальной схемы с сохранением базовых основ марксистского канона (классовый подход, формационная телеология)»⁴². Этот шаг указывает на момент, когда националистический дискурс становится главенствующим в Украине: даже коммунисты принимают эти правила мышления-речи-действия.

⁴¹ Касьянов Г. Украина-1990: «бои за историю». <http://magazines.russ.ru/authors/k/kasyanov/>. Последнее посещение 20 мая 2014.

⁴² Там же.

Если марксизм переходит на чужое идеологическое поле, теряя свои универсалистские претензии, то националистический дискурс подвергается серьезной интернационализации. В 1989 году была создана Международная ассоциация украинистики, которая уже с 1990-го года обеспечивала новыми идеями и менее обскурантистскими формами националистических идеологов и мыслителей. В то же время, если марксистское мировоззрение постепенно теряло свою популярность, то национализм все заметнее становился «теорией масс». Во второй половине 1990 года в нескольких городах Западной Украины проходят символические события – демонстрации памятников Владимиру Ленину. Снова процитирую Г. Касьянова, подводющего итоги развития идеологических преобразований в Украине 1990-го года: «1990 год Украина заканчивала уже практически с готовым набором познавательных и пояснительных стереотипов, порожденных интенсивным переписыванием истории под национальный канон. Фактически уже в 1990 году был разработан и готов к массовому воспроизводству "черновой" вариант схемы национальной истории, где с формационной телеологией соседствовала национальная, где движущей силой истории вместе с борьбой классов становилась борьба наций. Эта схема предполагала этническую эксклюзивность – история Украины превращалась в историю украинцев, а другие культуры, народы и нации играли роль враждебного, нейтрального или сопутствующего фона. Были заложены (или возвращены в интеллектуальный оборот, восстановлены) фундаментальные исторические национальные мифы... В целом сформировался и нехитрый словарный запас, формирующий риторику национального канона – со стандартным набором архаизмов, антропоморфизмов и наступательной и в то же время виктимной риторики»⁴³.

Указанные изменения общественного духа в Украине по сравнению с идеологическим и морально-этическим духом Перестройки вели к активизации некоторых архаичных форм общественной коммуникации. Шанс «второй модернизации», предоставленный Перестройкой, оказался под вопросом.

Разрешенное развитие: украинское философское образование в Перестройку

Философское образование в СССР до 1989 года не имело национально-культурной специфики, кроме, может быть, языка преподавания; так, в Киевском университете часть курсов преподавалась по-украински. Тоталитарные практики в системе просвещения удерживали единство условий и последствий образования (в том числе и философского) по всему Союзу. Если особенности в преподавании философии в советском Киеве и были, то касались они либо специфики университета, либо поколенческих предпочтений преподавателей и студентов, либо же были специфическим взаимодействием российской и украинской иден-

⁴³ Там же.

тичностей в советском контексте. Первые настоящие признаки особенности философского образования в Украине – в содержании и формах – касаются попытки обновить учебную программу философского факультета Киевского государственного университета.

Важной вехой в преобразовании философского образования того времени стало создание новой учебной программы по философии. Представленная в седьмом номере *ФиСМ* за 1989 год деканом философского факультета Николаем Тарасенко, эта программа обнародует представление позднесоветских украинских марксистов о предмете философии и ее составных дисциплинах. Этот документ является весьма оригинальным произведением философской педагогики, поскольку значительно отличается (в советско-консервативную сторону) от курса философии Московского государственного университета и рубрикации фроловского *Введения в философию*. Этот документ носит еще вполне советское название «Программа по марксистско-ленинской философии для философского факультета Киевского государственного университета», но в его рубрикации появляются новые элементы⁴⁴.

Первая часть украинского советского курса называлась «Введение в философию. Человек и мир». Здесь рассматривались материалистические методологические подходы к философии, воспроизводился «основной вопрос философии» и то, почему материалистический взгляд на философию является более верным, нежели идеалистический. Второй раздел «Диалектически-материалистическая теория общественно-исторического процесса» в несколько сокращенном виде воспроизводил классическую советскую программу исторического материализма. Третий раздел содержал вопрос о «бытии, жизнедеятельности, сознании», излагая основы марксистской онтологии, но, очевидно, с многочисленными лакунами, которые должны были мотивировать студентов выходить на современную западную философскую мысль. Четвертый раздел «Теория познания» построен исключительно в рамках ленинской теории отражения. Несмотря на наличие целого слоя интересных советских эпистемологических исследований, программа скорее тяготела к устаревшему ленинскому содержанию. В пятом разделе «Теория материалистической диалектики» также содержится подробное изложение тем и вопросов диалектического материализма, хотя само название говорит о попытке осторожной ревизии курса. Наконец, последний раздел «Культура и личность» давал студентам и преподавателям немало свободы для интерпретативного процесса с применением наследия киевских философов-«антропологов» (А. Яценко, В. Иванова, В. Шинкарука, А. Лоя и многих других). Преподавание программы было рассчитано на 460 академических часов и пять семестров. Кроме того, ее «усвоение» должны были поддерживать отдельные спецкурсы, содержание которых заранее не устанавливалось и, следовательно,

⁴⁴ Програма з марксистсько-ленінської філософії для філософського факультету Київського державного університету // Філософська і соціологічна думка. 1989. № 7. С. 61-74.

давало возможность гибко реагировать на образовательные потребности времени. Фактически, этот курс был результатом самостоятельной работы преподавателей философского факультета Киевского государственного университета и сотрудников Института философии АН УССР.

Очевидно, что такая самостоятельность должна была быть обоснована. Поэтому презентация программы в *ФиСМ* нуждалась в комментариях. Этот комментарий в виде вступительного интервью дал Николай Тарасенко, декан философского факультета КГУ. Кроме успокаивающей и рассудительной риторики, адресованной идеологам ЦК, интервью содержит ряд важных замечаний для понимания новизны подхода. Во-первых, Н. Тарасенко говорит про две определяющие «новизны» предложенного подхода к преподаванию философии. Прежде всего, речь идет об «адресности». То есть, программа ориентирована на студента. Это, очевидно, парадигматическое изменение, поскольку перед этим студент и преподаватель должны были овладевать определенным содержанием «советской философии»; а зубодробительные формулировки диаматы не предполагали облегчать задачи учащейся молодежи. В новом же философском курсе студент оказывался – по крайней мере, на уровне пожелания педагогов – в центре внимания философов-дидактиков.

Второй особенностью программы был ее «плюрализм». Этот плюрализм понимали как то, что программа является «индивидуальной», а не «универсальной». За этими осторожными словами стоит тот смысл, что программа является позицией ее авторов. Таким образом, пусть и с максимальной осторожностью, в украинском философском образовании появляется идея «индивидуальной программы», которая потом ляжет в основу «авторских курсов» середины 1990-х годов Могилянской Академии и, отчасти, КГУ. Вместе, эти две черты задавали дидактические рамки для нового курса по философии в КГУ.

Во-вторых, профессор Тарасенко, упреждая критику идеологических учреждений, сообщает о важном факте: подобные работы по созданию новых программ происходят по всем философским факультетам СССР. Все эти программы «будут отличаться и по региональной специфике, и тематическими объемами, и по методике»⁴⁵. Этот посыл основывался на данных от коллег-деканов других философских факультетов. Накануне обнародования украинской программы в Ленинграде состоялась встреча деканов и методистов «идеологических факультетов» (философских, исторических и обществоведческих отделений), где вопрос обновления учебных курсов был одним из главных. Так, киевской спецификой Н. Тарасенко называет отказ от деления программы на «диамат и истмат», хотя по рубрикации и формулировке вопросов в программе это разделение сохранилось, – правда, не так очевидно, как в прежние времена.

⁴⁵ Тарасенко М. Про нову програму з марксистсько-ленінської філософії: інтерв'ю // Філософська і соціологічна думка. 1989. № 7. С. 59.

Также проф. Н. Тарасенко обнародовал главные задачи, которые ставили перед собой разработчики, работая над новым курсом. Первая задача была сформулирована традиционным для советской философии историцистским образом: систематическое изложение идей должно соответствовать разворачиванию историко-философского процесса во времени. Зато вторая задача сформулирована необычно прагматически – программа должна отвечать на те вопросы, которые «ставит наше общество». Третья задача – педагогико-прагматическая – преподавать понятным языком с привлечением к конструктивным дискуссиям. Наконец, четвертая задача носила идеологический характер: разработчики программы ориентировали ее на «идеологические императивы перестройки»⁴⁶.

Программу после ее публикации немало обсуждали. Впрочем с критикой выступил лишь один философ. Речь идет о статье украинского философа-диссидента Василя Лисового «Критика университетской программы», опубликованной в пятом номере *Философской и социологической мысли* за 1991 год. Хотя дело касается давно минувших лет, статья содержит удивительно современную по духу критику. В. Лисовый критикует предложенную программу по подготовке философов на единственном в то время украинском философском факультете за четыре ее крупнейшие недостатка. Прежде всего, она нацелена на воспитание «авторитаризма» среди студентов. Сохранение в названии и основном содержании программы постулатов марксистско-ленинской философии «означает, что она направляет как преподавателя, так и все изучение общеполитического курса в русло авторитаризма»⁴⁷. Превосходство одного – уже устаревшего – взгляда на философию и ее проблемы прививает студентам язык непонимания современной философии. В частности, навязывание оппозиции «буржуазная» versus «марксистская» философия способствует мифологизации украинской философской мысли.

Во-вторых, Василь Лисовый упрекает программу в том, что она способствует воспитанию философов в провинциальном духе. Фактически, программа ограничивается упоминанием трех имен – Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ленина. При всем уважении к интеллектуальному наследию этих мыслителей, основные направления философии XX века полностью обойдены молчанием в программе⁴⁸.

Третьим недостатком названа передача молодым философам – учебно-воспитательными средствами – «инерционности» мышления. Инерционностью Василий Лисовой называет воспитание в студентах наивного сциентизма, характерного для второй половины XIX века, когда и творил Карл Маркс⁴⁹.

⁴⁶ Там же. С. 60.

⁴⁷ Лісовий В.С. Критика університетської програми // Філософська і соціологічна думка. 1991. № 5. С. 161.

⁴⁸ Там же. С. 160-162.

⁴⁹ Там же. С. 163.

Наконец, четвертый упрек касался архаичности классификации философских наук, которую предлагает программа. И действительно, связи с собственно философским разделением на дисциплины и направления в программе очень мало. Сама культура мышления, которую она навязывает, являлась органически советской. Вместе все четыре недостатка показывают ограниченность подходов в попытке принципиального обновления философского образования к концу существования Советского Союза. Как указано в примечании редакции *Философской и социологической мысли* на той же странице, ей стало известно о признании необходимости переработки программы со стороны руководства КГУ. Поэтому недовольство программой и критика извне чуть ли не впервые способствовали пересмотру программы подготовки философов. Позже это недовольство стало аргументом при создании новых философских факультетов 1992-1993 годов в других украинских университетах.

Попытка обновления содержания и методов обучения философии, пусть и со значительными недостатками, на единственном в Украине профильном факультете имела системное влияние на преподавание философии во всей системе высшего образования. Так, при разработке общеобразовательных философских курсов киевскую рубрику использовали все кафедры философии украинских вузов, которых в то время насчитывалось более тридцати. В программе четко определены те места, которые явно «провисали» в классическом советском философском образовании – чрезмерная сложность языка, отказ от дискуссий, навязывание культа «правильной мысли коллективного разума партии», аргументация с помощью «классиков марксизма-ленинизма». Касательно последнего следует заметить, что программа действительно пыталась ограничить использование догматически-марксистского жаргона. Однако, несмотря на всю ее новизну, пересмотрена она была уже через два года.

Следует отметить, что вместе с существенным обновлением философского образования происходил процесс мимикрии тех сообществ и учреждений советской философии, которые хранили ее наихудшие традиции. Так, например, довольно быстро в 1989-1991 годах кафедры научного коммунизма и истории партии сменили свои названия на кафедры политологии (или политической истории СССР и Украины). Этот процесс еще ждет своего обстоятельного исследования. Сейчас же можно заметить лишь то, что переименование довольно незначительно сказывалось на смыслах и методах образовательных курсов, внедряемых этими идеологическими центрами. Здесь следует подчеркнуть, что цинизм многих советских философов и преподавателей философии эпохи «застоя» и Перестройки позволил им довольно легко приспособливаться к быстроизменяющейся ситуации. Доминирование националистического дискурса довольно слабо сказывалось на качестве философского образования и исследованиях. Например, курс на четыре семестра по истории КПСС в 1990-1991 годах пережил три переименования. Так, в сентябре 1990 года он носил еще классическое название «История

КПСС», в январе 1991 года – уже именовался «Политическая история СССР», а в сентябре 1991 года на титульной странице программы было название «Политическая история Украины». При этом рубрикация, подходы и литература не претерпевали существенных изменений. Цинизм новоявленных политологов в значительной степени повлиял на воспитание и дух политической элиты 1990-х годов.

Этот цинизм во времена Перестройки вызывал двойственное отношение. С одной стороны, им было заражено немало интеллектуалов, особенно из числа тех, кто в ее начале находился в середине успешной карьеры. Вместе с тем, Перестройка по своему духу была проявлением радикальной усталости от цинизма и поиском твердой нравственной основы для переоценки прошлого и планирования будущего собственных семей и общества в целом. «Новое мышление» и «гласность», при всей наивности и осторожности, были попытками «нравственного возрождения» самосознания советского общества. Эта попытка была недолговечной – Союз распался, идеологемы потеряли влияние, универсалистское мировоззрение подверглось этнизации (и даже трайбализации).

Учитывая вышесказанное, следует определить украинское философское образование времен Перестройки как процесс раскрытия специфического образования и воспитания молодых философов в быстро меняющемся политическом контексте. Важно учитывать, что эти политические преобразования не сопровождались пока значительными социально-экономическими изменениями. Речь идет скорее о том, что образовательная система получила разрешение на привлечение смыслов и подходов, которые ранее были невозможны. При этом разрешение это использовалось далеко не так активно, как можно было бы ожидать. Эмансипация советского философского образования происходила по разрешению.

В конце 1991 года влияние идеологических органов КПУ на философское образование и исследования сошло на нет. Вместе с распадом СССР философское образование потеряло внешнего контролера, а вместе с этим и интерес к себе как со стороны новой власти, так и со стороны общества. Большие надежды на быстрое развитие философии как ведущей к обновлению общества интеллектуальной практики не оправдались. Вместе с тем, философское образование оказалось в благоприятных условиях открытости к усвоению мирового философского наследия XX века и поиску себя и своей традиции.

Пропавшая грамота: философское образование в постсоветской Украине

Лишние хлопоты: судьба философии в постсоветской Украине

Эмансипация и развитие философии в независимой Украине определялись тем, что новая власть все меньше обращала внимание на содержание философского процесса, а философия все больше становилась самостоятельной сферой публичной жизни. При этом национализм как способ легитимации нового государства не нуждался, а отчасти и противоречил и философскому рационализму и связанному с ним критическому мышлению.

Развитию украинской философии в 1991-1995 годах была свойственна не только оторванность от властных структур, но и оторванность от философских процессов за пределами страны. Определяющим для качества украинской философии стал факт уменьшения ее коммуникации с зарубежными центрами – как бывшими советскими, так и европейскими. Доминирование российскоцентричного философствования, характерного для перестроечного периода, постепенно сменялось приматом украиноцентричности. Это был вполне понятный и оправданный процесс: философия должна была найти свое место в новой украинской культуре, превращая ее процессы и события в предметы собственной рефлексии. Тем не менее, украинизация философии приводила к новой историзации и «литературизации» философского поиска. Философский анализ в этой сфере применялся преимущественно для интерпретации событий, ставших частью «канона украинской истории», или наследия литераторов, с приданием им статуса философов. Так философами становятся представители украинского литературного пантеона – Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинка и другие писатели. Странным образом эта тенденция продолжала советские украинские исследования, только вместо элементов материализма философский анализ отыскивал у писателей-«философов» элементы национальной духовности.

Сосредоточение на тематике национальной истории и политики, а также бюджетно-финансовые проблемы, пришедшие вместе с безразличием власти к философии, сопровождалась постепенной самоизоляцией украинского философского сообщества. Изоляционные тенденции в украинской философии стали очевидными в 1994-1995 годах. Для сравнения возьмем тематику статей и соотношение местных и зарубежных авторов в *Философской и социологической мысли* (Таблица 3). Так, из 138 публикаций за 1992 год 40 (примерно треть) принадлежали иностранным философам. Та же пропорция была и в 1991 году: из 132 публикаций 27 принадлежали иностранным авторам (включая представителей других советских республик). Однако уже в 1994-95 годах ситуация меняется: количество публикаций иностранных философов сокращается. Так, из 97 публикаций 1994 года 17 принадлежали иностранным авторам, а из 99 публикаций за 1995

год – только 11. При этом следует отметить, что подбор текстов иностранных авторов становился все более взвешенным, а публикации – более репрезентативными с точки зрения представления актуальных проблем западной философии.

Таблица 3. Количество статей иностранных авторов в *ФиСМ* за 1992-1995 годы

представители стран	количество публикаций		
	1992	1994	1995
Болгария	2		
Британия	1	1	1
Германия	5	1	
Голландия	1	1	
Грузия	1		
Израиль		2	
Канада	2	1	
Польша	1	1	
Россия	15	6	1
США	8	4	2
Узбекистан	1		
Франция	1	2	7

В развитии философских событий в начале украинской независимости значительную роль играла «интеллектуальная мода». Показателен факт значительного присутствия американских философов на страницах *ФиСМ* с 1992 по 1994 год. Если до 1991 года американские авторы присутствовали преимущественно на страницах «центральной прессы», то одним из признаков государственной независимости стало «американское присутствие» и в украинском философском дискурсе. Правда, ненадолго.

Еще одним интересным аспектом такой моды была тенденция середины 1990-х годов концентрировать внимание на проблемах постмодернистской философии. Интерес к французской философии значительно вырос к 1995 году. Отдельный выпуск *ФиСМ* был посвящен французской философии почти полностью.

Кроме моды на «французов» и «американцев», тематика исследований и публикаций дает возможности понимания тогдашнего философского дискурса. Таблица 4 демонстрирует тематическое разделение статей в журнале *ФиСМ* в 1992, 1994 и 1995 годах⁵⁰. С учетом этих данных, тенденция к изучению украинской философии получает квантитативное подтверждение. Эта таблица также указывает на устойчивый интерес к социологическим исследованиям, а также к исследованиям в области эпистемологии и философии науки. Хотя и с колебаниями,

⁵⁰ Хотя число философских журналов в Украине значительно выросло, *Философская и социологическая мысль* и в середине 1990-х годов сохраняла ведущее место среди философских журналов в стране.

но интерес к темам западной философии XX века и российской немарксистской традиции остается достаточно высоким. Зато философия Маркса, философия религии и изучение глобальных проблем сходят на нет. Также заметно возрастает интерес к практической философии и этике. Теория и философия культуры начинает занимать все более значительное место.

Таблица 4. Тематическое разделение статей в журнале *Философская и социологическая мысль* в 1992-1995 годы

Тема	Количество публикаций		
Украинская философия	27	39	20
Социология, соц. исследования	17	15	15
Эпистемология и философия науки	17	10	7
Европейская философия XX века (немарксистская)	10	2	8
Атеизм, философия религии	8	3	1
Демократия, дем. институты, гражданское общество в Украине	7	9	5
Другое	7	5	7
Философия Маркса, марксизм	6	0	2
Психология	6	0	1
Российская немарксистская философия	5	0	4
Античность	5	2	1
Философия культуры	5	4	8
Эстетика	5	5	3
Геополитика, глобалистика	3	0	0
Этика	3	0	12
Экономика, рыночные отношения и соц. Последствия	2	3	2
История, философия истории	2	0	1
Средневековье	2	0	0
Право, философия права	1	0	0
СССР, история и философия, политика	0	0	1
Европейская философия XX века (марксистская)	0	0	1

Репрезентативность индекса *ФиСМ* во многом подтверждается совпадением с рубрикой, которую предложили организаторы II-го Философского конгресса Украины «Философия и культура», состоявшегося в 1995 году в Киеве. Сама по себе эта встреча была крайне необходимой для сообщества. Рост количества философских центров требовал установления или же укрепления связей между но-

выми и старыми кафедрами. Конгресс должен был собрать в Киеве всех, кто был готов к презентации своих исследований. Этот своеобразный «смотр сил» четко показал, какие разделы философских исследований могли набрать кворум для проведения полнокровных дебатов. Такими оказались:

философские проблемы исследования культуры;
украинская философия: история и современность;
логика, методология и философия науки;
философская антропология;
социальная философия;
философия экологии;
философия религии;
эстетика и философия искусства;
философия в системе высшего образования⁵¹.

Как видим, только философская антропология и философия экологии не совпадают с тематическим индексом *ФиСМ*. Однако в журнале публикации философских антропологов привязывались к разным предметным полям, поэтому отнесение их статей к другим темам не противоречит индексу. Что касается экологической тематики, то это направление было связано с последствиями рецепции Чернобыльской катастрофы общественным мнением и современной украинской культурой; у этого сообщества были свои дискуссионные площадки.

Важным документом для понимания того времени является доклад директора киевского Института философии В. Шинкарука на открытии II Всеукраинского конгресса. Этот доклад он построил как своеобразный отчет перед философским сообществом Украины о работе Института философии имени Сквороды после I Всеукраинского философского конгресса (ноябрь 1991). Академик Шинкарук построил доклад как рассказ о непрерывности философского процесса от советских времен до 1995 года. В нем академик отмечал: «Наше прозрение началось еще в 1960-е годы, во время так называемой хрущевской оттепели, благодаря трудам и публичным выступлениям Павла Копнина, благодаря известному гуманистическому, а точнее антропологическому повороту в наших философских исследованиях в конце 1960-х – начале 1970-х годов, во всем том, что тогда называлось "философским ревизионизмом", "эрозией марксистско-ленинской философии" и т.д.»⁵². Затем, по словам В. Шинкарука, в конце 1960-х давление на институт усиливается, особенно в связи с работой в нем диссидентов-семидесятников. Однако это давление на институт уменьшается в 1977 году после подписания Хельсинских договоров. После этого началась эпоха «кризиса и упадка коммунистического сознания, когда это сознание теряло почву слепой веры и разъедалось очевидным несоответствием реальной действительности

⁵¹ II-й Філософський конгрес України «філософія і культура» // Філософська і соціологічна думка. 1995. № 7-8. С. 250.

⁵² Шинкарук В. Філософія і культура: до II Всеукраїнського філософського конгресу // Філософська і соціологічна думка. 1995. № 9-10. С. 221.

"коммунистического строительства" идеалам социализма и коммунизма. Мы свято верили, что коммунизм – это общество, где труд – главная потребность, труд по призванию, творческий; общество, где мерилom прогресса является мера всестороннего развития личности. Действительность разрушала эту веру. Мы еще верили, но эту веру все более подтачивал "червь сомнения". Потому мы приветствовали и горбачевскую "перестройку", и развал Советского Союза, и строительство независимой Украины. И это не было ни случайным прозрением, ни идеологической мимикрией, а становлением нового сознания, началом нового осмысления исторических реалий прошлого и настоящего. Такими мы подошли к I Всеукраинскому философскому конгрессу в ноябре 1991 года»⁵³.

В этом повествовании выражено кредо философского поколения 1960-80-х годов. В новой ситуации – в независимой Украине – это поколение должно было найти свое особое место, выстроить свой нарратив. Выражение этого нарратива содержится как в истории В. Шинкарука, так и в «Постановлении» II конгресса: «Первым и необходимым условием существования и развития философской культуры является деполитизация философского сознания индивида и общества. Настаивая на свободе философской мысли от какой-либо политики, мы, как граждане, поддерживаем строительство независимого демократического Украинского государства...». Оттуда же «признание философского плюрализма как принципа духовной жизни, будет означать, что и сторонники философии марксизма также могут открыто отстаивать свои взгляды. Абсолютно неприемлемы для нас ... чьи бы то ни было претензии на духовную монополию, подавление инакомыслящих. Ибо под флагом монополии на истину воплощалась система неслыханного политического и духовного порабощения (в прямом и переносном смысле), полной унификации мышления, искажения и ликвидации лучших национальных традиций»⁵⁴. Конгресс также призвал не отвергать полностью наследие советских времен. В этих строках местоимение «мы» четко указывает на то, что это не просто отчет директора института, а попытка самооправдания и самообъяснения целого поколения философов перед младшими коллегами, для которых эпоха независимости была логичным и желанным изменением.

Помимо прочего, доклад содержит еще и рассказ о злоключениях этого философского поколения в утренних сумерках Эпохи независимости. В период становления Украинского государства философия вызывала немало подозрений. Будто повторяя решение имперской бюрократии, чиновники независимой республики намеревались нарушить «институциональную целостность» философии в стране. Владимир Шинкарук так описывает ситуацию. В 1992-93 годах было несколько попыток «руководства Комиссии по вопросам науки и образования Верховного Совета прошлого состава практически разогнать Институт философии. Не просто сменить руководство, именно ликвидировать как учреждение,

⁵³ Там же. С. 222.

⁵⁴ Там же. С. 220-221.

занимающееся не философией, а, как утверждалось, "псевдофилософией", не научными исследованиями, а идеологическим пустословием. Проведение очередного конгресса руководство Комиссии взяло на себя, создали специальную группу специалистов для проверки Института философии и состояния философии в Украине вообще»⁵⁵. Однако учреждение выжило и доказало свою нужность. О результатах работы самой Комиссии пока нет возможности узнать даже в архиве Верховной Рады (материалы не разобраны и не описаны).

Собственную необходимость Институт философии в Киеве доказал показательной «демарксистизацией» философских исследований и сосредоточением на вопросах, связанных с «национальным возрождением». В перечне тематических направлений философских исследований в Институте философии, приводимых академиком В. Шинкаруком, из девяти направлений два имеют антимарксистский характер (по крайней мере, так они расписаны в докладе) и четыре – «украиноцентричный». К исследовательским направлениям, ведущим в альтернативном марксизму направлении, отнесены 1) философская антропология как «преодоление социологического редукционизма человека» (ведущий исследователь – В. Табачковский и другие), а также 2) исследования морали и нравственности как феноменов общественной жизни и культуры (ведущий исследователь – А. Ермоленко)⁵⁶. К украиноцентричным же направлениям были отнесены:

онтология культуры, которая должна «показать культуру как этнонационально особенный мир человеческого бытия» (ведущий исследователь – Е. Быстрицкий и другие);

методологические основания осмысления феномена украинской культуры (ведущий исследователь – В. Шинкарук);

переосмысление роли природного фактора в жизни человека и общества, «экологический контекст бытия нации», «выявление сути объективных экологических факторов и их роли в национальном возрождении» (ведущий исследователь – Н. Киселев и другие);

освоение наследия украинской философии в Отделе истории философии Украины под руководством В. Ничик⁵⁷.

Вне новых философских исследований с заметной идеологической функцией, в докладе академика Шинкарука названы:

«гуманистические проблемы диалектики» (ведущий исследователь – М. Булатов);

исследования западной философии в аспекте современных ценностных ориентаций, реконструкции мировоззренческих парадигм Запада и последствий «техногенной цивилизации» для личности (В. Пазенок, А. Гордиенко, С. Кошарный, Я. Любивый, Л. Ситниченко, О. Соболев, К. Райда);

⁵⁵ Там же. С. 223.

⁵⁶ Там же. С. 224-225.

⁵⁷ Там же. С. 225-226.

поиск «бытийного смысла науки», роль науки в прогрессе цивилизации, гуманизация и экологизация научной проблематики (М. Попович, В. Лукьянец, А. Кравченко, Н. Гудков)⁵⁸.

Особое внимание из всего перечня исследовательских направлений в докладе уделено «освоению наследия украинской философии». В частности, подробно представлена информация о подготовке к публикации и уже опубликованные издания Отдела истории философии Украины под руководством профессора В. Ничик. Среди названных публикаций – тексты Ф. Прокоповича, Г. Конисского, С. Яворского, Д. Чижевского, П. Юркевича, Н. Костомарова и многих других.

Кроме издательской программы в сфере украинских философских исследований упомянуто три направления:

изучение отечественного историко-философского процесса как важного фактора «уяснения закономерностей» «специфических особенностей украинской культуры» (изучение наследия Т. Шевченко, И. Франко, М. Драгоманова; философский анализ «украинской идеи» и т.д.);

изучение академической философии Украины второй половины XIX – начала XX века (диссертации, посвященные философии П. Юркевича, С. Гогоцкого, П. Линицкого, А. Козлова, Г. Челпанова и других философов);

европейский контекст украинской культуры⁵⁹.

В общем, текст доклада академика В. Шинкарука к II Всеукраинскому философскому конгрессу интересен выступлением в защиту философии и попыткой публичного представления ее новой идентичности – современной украинской философии со всеми ее недостатками и успехами, советским происхождением и антимарксистским будущим, и неизбежной связью с господствующей идеологией.

В целом, II конгресс стал последней попыткой организации философской жизни в Украине в советском стиле, с огромными собраниями и официальными съездами. Мероприятия такого рода перестали проводиться, поскольку не имели влияния ни на политиков, ни на самих философов.

По воспоминаниям активных участников философского процесса тех дней, он характеризовался повсеместным экзистенциальным пессимизмом относительно прошлого и настоящего. В этой довольно пессимистической ситуации, когда надежда возлагалась преимущественно на будущее, возник феномен самостоятельности украинского философского сообщества. Осознание собственной групповой автономии привело философскую общину к созданию общественных неправительственных организаций. Одной из первых, еще в 1994 году, была создана организация Украинский философский фонд (УФФ). Фонд должен был стать платформой для создания стратегии развития философии в условиях независимой Украины. Его возглавили представители младшего поколения украинских

⁵⁸ Там же. С. 227-228.

⁵⁹ Там же. С. 232-233.

философов (Евгений Быстрицкий возглавлял фонд с 1994 по 1998 год, а с 1998 УФФ возглавлял Сергей Пролеев). С целью реализации своих намерений фонд развернул работу по восстановлению коммуникации как между географически удаленными центрами философии в Украине, так и между поколениями философов. В частности, были организованы многочисленные конференции, круглые столы, летние школы, на которых восстанавливались или устанавливались заново связи между украинскими философами. Фонд активно сотрудничал с сороковской программой «Трансформация гуманитарного образования», с философскими обществами вне Украины.

Кроме такой общей «зонтичной» организации гражданское движение философов привело к появлению небольших групп исследователей, которые объединялись в полуофициальных организациях философов – «обществах». Среди обществ, которые первыми появились в Украине, следует назвать: Философско-антропологическое отделение УФФ, Кантовское общество в Украине, Украинское феноменологическое общество, Украинский союз исследователей современной философии и Общество русской философии. Среди обществ, обеспечивающих междисциплинарные связи философии, следует также упомянуть «Одесскую гуманитарную традицию» – научно-просветительское общество, созданное с целью изучения, возрождения, развития и передачи традиций в области науки, образования и культуры в Одессе.

Философские общества появились в Украине в ответ на недовольство философского сообщества пассивностью учреждений «официальной философии». Однако следует отметить, что общества составляли альтернативу не только официальным учреждениям, но и философским кружкам и клубам. Университетские факультеты, кафедры и академические учреждения в силу разных обстоятельств в середине 1990-х годов потеряли способность поддерживать эффективную профессиональную коммуникацию и между разными поколениями философов в пределах страны, и между украинскими исследователями и их коллегами со всего мира. Во время радикального разрыва с советским марксизмом, который сопровождался наплывом ранее отсутствовавших на украинской территории философских учений и в результате чего возникла пропасть между «советскими» и «постсоветскими» поколениями философов, негибкость университетских и академических учреждений привела к потере авторитета как внутри профессионального сообщества (то есть среди обоих поколений), так и в обществе в целом. С другой стороны, общества предлагали альтернативу философским кружкам и клубам, появившимся во времена Перестройки. Кружки объединяли неравнодушных философов и – шире – гуманитариев в их попытках понимать и дискутировать по поводу «новых» для тогдашнего украинского интеллектуального пространства учений Хайдеггера и Фрейда, Юнга и Хабермаса и т.д. Однако кружки и клубы слишком быстро превратились в «тусовки», ограниченные небольшим кругом участников. Кроме того, мистицизм и радикальные политиче-

ские идеологии иногда становились главной основой для общения кружков, что отталкивало многих рационально настроенных мыслящих людей. Зато общества учреждались на фундаменте определенных профессиональных ценностей и собирали исследователей с определенными профессиональными ценностями. Таким образом, философские общества возникли как специфическая форма самоорганизации философов, с одной стороны выдвигавшая требование поддерживать профессиональную коммуникацию между украинскими философами, а с другой обеспечивавшая связь с иностранными философскими центрами. Образуя мощные группы профессионального общения и реализации исследований, общества разнообразили философский ландшафт Украины, создали возможность появления различных полюсов, напряжение между которыми могло производить энергию, необходимую для развития философского процесса.

Еще одним фактором, определявшим развитие философии в Украине, был отток кадров из поля философии в политическую и бизнес-сферу. Уже с 1993 года можно констатировать снижение научной активности в украинской философии, ставшее шоком для многих оптимистов. Очевидно, проблемы в развитии философского процесса в отдельной стране были непредсказуемы.

Философский ландшафт 1992-1995 годов не имеет четких очертаний. Сообщество философов постепенно распадалось. Разрушались связи с социологами и психологами. Случайные темы из западной философии становились основой для неожиданных и быстро преходящих интеллектуальных мод. Так, довольно неожиданно, в центре внимания оказались психоанализ Юнга, постмодернизм и наследие позднего Хайдеггера. Зато поздняя аналитическая философия, неопрагматизм и современная политическая философия привлекают внимание украинских философов значительно позже.

Беспочвенность этих мод дает немало пищи для попыток понять Realpolitik философского процесса. Пример с популярностью постмодернизма, о которой мы уже упоминали выше, показателен. Оснований для постановки вопроса о недостатках логоцентризма в украинской культуре не было. В нашем случае, пожалуй, следовало бы говорить о традиционном дефиците логоцентризма. Однако, вопреки такому дефициту, постмодернизм получил широкую популярность в философском сообществе. Возможно, интерес к тем далеким философским континентам давал украинским философам хотя бы призрачную возможность почувствовать хоть какую-то причастность к философскому миру. А вместе с этим репрессии подвергалось недовольство собственным сообществом и неспособность взять ответственность за рационализацию своего культурного мира. Одновременно с этим те, кто в силу образования, знания языков, игр идентичности или просто случая, обходил модные темы, занесенные с Запада или Востока, часто попадали под влияние поисков культурного фундамента украинской философии. Эти поиски очень часто заводили исследователей к новой мифологизации философских исследований, связывая действующие интеллектуальные практики

с давними временами философского ренессанса в Украине (времен старой Могиланской Академии), или с эзотерическими учениями Аратты и Триполья. Мифическое укоренение философии в Украине создало мощную иррациональную тенденцию, которая в значительной степени повлияла на политический дискурс начала 2004 года и долго давала о себе знать в чисто риторическом по характеру внедрении «европейской интеграции».

Первые годы существования философии в независимой Украине способствовали эмансипации философии, которая замедлялась из-за экономических трудностей академической сферы. Разрыв прямых связей с властью в Украине, постоянная нехватка ресурсов для философских проектов и поддержки научной коммуникации заставляли философское сообщество искать способы нового объединения и действия. Несмотря на пессимистические воспоминания большинства из тех, кто пережил те времена, следует сказать, что многие успешные формы самоорганизации гуманитарной науки были основаны именно тогда.

Продолжение традиций: основные тенденции в украинском философском образовании начала Эпохи независимости

Если внимание власти к философии было нейтральным или, иногда, отрицательным, то образовательная система была в центре ее внимания, вместе с естественными науками, экономикой и внешней политикой. Рудиментом советского уважительного отношения к научной деятельности была активность органов власти в Украине, связанная с законодательным и политическим оформлением новой системы образования. Бывшие идеологи, молодые коммунисты и комсомольцы, а также «красные директора» с пиететом относились к науке и образованию, возлагая на них немало надежд в создании нового государства. Социально-инженерный пыл позднесоветских администраторов и новых политиков проявился в целом ряде актов, изданных в 1992-93 годах. Вот лишь несколько из них:

Указ Президента Украины «О высшей аттестационной комиссии» (25 февраля 1992 года);

Указ Президента Украины «Об основании Академии педагогических наук Украины» (4 марта 1992 года);

Указ КМУ «О государственной регистрации научно-исследовательских работ и диссертаций» (31 марта 1992 года);

Указ ВРУ «О приоритетных направлениях в развитии науки и техники» (16 октября 1992 года);

Положение Министерства образования Украины «Об организации учебного процесса в высших учебных заведениях» (N 161 от 2.06.93).

К работе по сохранению институционального и капитального «советского наследия в науке и образовании» были привлечены все ветви новой власти – и исполнительная, и законодательная, и даже судебная. Последняя замедлила про-

цессы приватизации в том числе научных и образовательных учреждений, пока Верховная Рада не приняла постановление о запрете приватизации таких объектов.

Тогдашнее сотрудничество властей и системы образования проходило под лозунгом, озвученным известным украинским педагогом: «Скажите кого вам воспитать, а педагоги это сделают». Вершиной этого сотрудничества стала Государственная национальная программа «Образование» («Украина XXI века»), принятая правительством 3 ноября 1993 года. В преамбульной части программы размещен текст, в котором проговаривается предискурсивная конвенция: образование является инструментом перевоспитания старых и воспитания новых поколений для построения национального государства. «С превращением Украины в самостоятельное государство образование стало собственным делом украинского народа. Развитие системы образования, ее коренное реформирование должны стать основой воспроизводства интеллектуального, духовного потенциала народа, выхода отечественной науки, техники и культуры на мировой уровень, национального возрождения, становления государственности и демократизации общества в Украине. Динамизм, присущий современной цивилизации, рост социальной роли личности, гуманизация и демократизация общества, интеллектуализация труда, быстрая смена техники и технологий во всем мире – все это требует создания таких условий, при которых народ Украины стал бы постоянно обучающейся нацией»⁶⁰. В соответствии с этим формулировалась и цель программы: «Создание жизнеспособной системы непрерывного обучения и воспитания для достижения высоких образовательных уровней, обеспечение возможностей постоянного духовного самосовершенствования личности, формирования интеллектуального и культурного потенциала как наивысшей ценности нации». Программа должна была изменить идеологические недостатки предыдущей системы, в частности, преодолеть «девальвацию общечеловеческих гуманистических ценностей», «национальный нигилизм», «оторванность от национальных корней», «авторитарную педагогику»⁶¹. Основными нововведениями должны были стать демократизация, гуманизация и децентрализация содержания, формы и характера управления системы образования.

Отдельно программа описывала границы нового содержания обучения. В нем немало внимания посвящено именно содержанию гуманитарного образования. В частности, новое содержание должно было состоять из «овладения родным, государственным и иностранными языками», «приобщение к литературе, музыке, изобразительному искусству, достижениям народного творчества, достижениям украинской и мировой культуры», «осмысление исторических фактов, событий и явлений, разнообразия путей человеческого развития», «формирование мировоз-

⁶⁰ Постановление КМУ «О Государственной национальной программе "Образование" ("Украина XXI века")» (от 3 ноября 1993 года. N 896). С. 2. <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=896-93-%EF>. Последнее посещение 20 мая 2014.

⁶¹ Там же. С. 5-6.

зренческой, правовой, нравственной, политической, художественно-эстетической, экономической, экологической культуры», «широкое изучение украинско-(народо-)ведения, этнической истории и этногенеза украинского и других народов Украины», «формирование нравственных ценностей, начиная с раннего семейного образования»⁶². Это довольно консервативное содержание заранее определило траекторию развития большинства общественно-гуманитарных дисциплин в Украине. Анализ позднейших тем и культурных ориентиров в украинской гуманитаристике 1996-2006 годов показывает, что националистический дискурс становится доминирующим⁶³.

Если запрос властей становится вполне понятным исходя из вышеприведенных положений государственных актов, то запрос философского сообщества к образованию можно увидеть на примере программной статьи академика В. Шинкарука «Современные исторические реалии и философия», обнародованной в четвертом номере *ФиСМ* за 1992 год. В своей статье Владимир Шинкарук выстраивает свою позицию, исходя из вопроса, характерного скорее для марксистов: как сделать философию действительно квинтэссенцией эпохи? Фактически, украинский философ говорит о возвращении философии к своей «настоящей» миссии – выражать дух своего времени, его содержание и формы. Сквозь призму такой эвристики, В. Шинкарук предлагает отказаться от марксизма-ленинизма. Ведь этот философский подход не доказал на практике, что наша эпоха – это эпоха именно социальной революции. Также не подтвердилась «всемирно-историческая роль пролетариата»⁶⁴. Заменить диаматовский и истматовский историзм можно «цивилизационным подходом» и оценивать современную ситуацию «с точки зрения развития глобализации»⁶⁵. Этот по сути реакционный шаг академик предлагает совершить, учитывая необходимость философии выполнить свою задачу. Специфика выполнения амбициозных задач заключается, согласно В. Шинкаруку, в том, что в Украине «идеологическая ситуация... чем-то напоминает зарю возникновения христианства: на фоне общего морального упадка и разложения господствующих слоев общества, где бездуховность часто сочетается с мистикой, астрологией... [н]ужны новые идеалы, нужна новая спасительная вера»⁶⁶. Контекст выполнения задач для украинской философии является неблагоприятным, и выполнить их можно только упорным трудом по созданию нового поколения философов.

⁶² Там же. С. 8-9.

⁶³ См.: Мінаков М.А. *Intellectus Regionale: Культурні ідентичності сучасної України крізь призму тенденцій у філософському процесі // Україна Модерна: Стандарти науки і академічне середовище*. Київ – Львів. Критика. 2007. № 12(1). С. 72-96.

⁶⁴ Шинкарук В.І. Сучасні історичні реалії і філософія // *Філософська і соціологічна думка*. 1992. № 4. С. 4.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 7.

Надежда на новое поколение была широко распространена в 1990-е годы. В публичной риторике все ожидали новые поколения политиков, госслужащих, экономистов и многих других профессионалов. Поэтому слова академика Шинкарука очевидно выражали ожидания большинства и среди философской общности. При этом, он указывает на основные недостатки действующего философского образования и предлагает изменения. Недостатком философского образования в советские времена называется тот факт, что марксистско-ленинская философия, исторический и диалектический материализм, которые сложились в 1930-е годы XX века, «не соответствуют не только уровню развития мировой философской мысли, но и реальным достижениям философии К. Маркса»⁶⁷. В обновленной программе по философии КГУ образованию следует отказаться от диамата даже в его рудиментарном виде. Также важным грехом советской философского образования было то, что принцип партийности философии и догмат об «основном вопросе философии» стали критериями отбора философов, о которых говорится в учебном курсе. Остракизму подвергли многих философов, до предела обеднив философское образование. Этот факт и сосредоточение на одном философском учении создают в образовательном процессе ситуацию монополии на истину. Отсутствие плюрализма мнений, догматичность содержания образования должны быть преодолены⁶⁸. Другими словами, разрушенный Карфаген СССР должен быть разрушен до основания – в корне его воспроизводства, в образовании философов.

Основываясь на этих положениях, Владимир Шинкарук выдвигает ряд предложений, которые должны были бы направить преобразования философского образования в Украине в верном ключе. Фундамент, на котором следует строить новое украинское философское образование, заложен в работах украинских советских философов в философии науки, логики, философской антропологии, истории философии последних сорока лет. Основываясь на этом, учебную программу следует сосредоточить на пяти главных задачах. Во-первых, философы должны проходить полнокровный курс истории философии. Во-вторых, обучение должно базироваться на хорошем «освоении достижений современной зарубежной философии». В-третьих, образовательный процесс необходимо обустроить так, чтобы он постоянно поднимал вопрос «человечество – нация – личность». В этой связи формулируется и четвертая задача: необходимо осмыслить «проблемы развития национальной культуры, и особенно проблемы возрождения национальных культур Украины». Пятая задача диалектически подводит нас к основному: внимание учебного процесса должно быть сосредоточено на «фундаментальных проблемах методологии философского познания, способах философских новаций и философского обоснования истины»⁶⁹.

⁶⁷ Там же. С. 9.

⁶⁸ Там же. С. 11.

⁶⁹ Там же. С. 10-11.

Несмотря на всю важность размышлений и предложений академика Шинкарука, преобразования философского образования в Украине начались в другом направлении, с сокращения часов преподавания философии во всех учебных заведениях. Для этого шага были все основания – философия больше не несла необходимой идеологической нагрузки, и ее роль в учебно-воспитательном процессе должна была перейти к истории Украины. Уменьшение часов преподавания имело цепную реакцию: уменьшение объема работы вело к сокращению заработка университетских философов и усиливало искушение или сосредоточиться на других сферах деятельности, или попытаться разработать курсы, которые имели бы поддержку властей. Выбор этих альтернатив привел многих талантливых философов в ряды новообразованных политических партий, в политтехнологические компании и в гражданские организации. Это по-своему позволило философии играть хоть какую-то заметную роль в кадровом обеспечении нарождающейся страны.

Важным событием также стало преодоление киевской монополии на философское образование. С 1992 по 1995 год в Украине были открыты три новых философских факультета. Так, в 1992 году во Львовском государственном университете был открыт (восстановлен) философский факультет, возглавленный профессором А. Пашуком. Основой факультета стали кафедры философии, психологии, истории и теории культуры, политологии. Также, в 1993 году был открыт или восстановлен философский факультет в Черновицком университете. В 1995 году был открыт философский факультет в Прикарпатском университете им. В. Стефаника. Все три новых факультета появились в университетах Западной Украины, что свидетельствует о попытке воплотить иллюзию «идеологической миссии» западной «сознательной» интеллигенции в виде открытия новых философских центров. Хотя для Львова и Черновцов философские факультеты были традиционными, в том смысле, что когда-то – «до Советов» – они действительно существовали, однако настоящая традиция австро- или польско-культурного философского образования так и не была восстановлена. Идеологические функции, осуществление которых ожидалось от этих факультетов, говорят скорее о попытке воссоздания советской тенденции сочетания государственного воспитания с философским образованием.

Кроме философских факультетов университеты по всей стране открывали философские отделения в рамках гуманитарных или исторических факультетов. Показательным примером такого подхода был набор студентов по специальности «философия» на исторический факультет Симферопольского государственного университета в 1993 году. Траектория развития таких отделений колебалась от закрытия отделения из-за недостатка интереса студентов до успешного перерастания в полнокровный философский факультет, как это произошло в Симферополе.

Экстенсивное развитие центров философского образования не сопровождалось значительными достижениями с 1992 по 1995 год. В конце концов, радикальных изменений не следовало ожидать. Нехватка преподавательских кадров, литературы, программ постоянных обменов студентами и преподавателями с западными философскими центрами значительно сдерживали повышение качества философского образования в Украине. Вместе с тем, следует сказать, что некоторые задачи, сформулированные академиком Шинкаруком, были выполнены. В частности, исследования по истории философии и истории украинской философии уже в 1993-94 годах были достаточно разнообразными. Чтобы преодолеть влияние старой школы на студентов-философов, учебные заведения расщепляли философские курсы на мелкие авторские программы. Это в определенной степени ограничивало системность знаний, однако позволяло пробиваться культуре индивидуалистического и диалогического способов философствования, развивало критическое мышление и т.д.

Несмотря на появление других философских факультетов, факультет Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко оставался мощным и влиятельным философско-образовательным центром. На протяжении периода 1992-1995 годов программа факультета постоянно менялась. Палитра курсов обогащалась. Однако сохранялась и преемственность с советской философской традицией. Наконец, описываемые времена касались деканства незаурядной личности в украинской философии – профессора Н. Тарасенко (1987-1995 годы). После попытки обновления содержания и формы философского образования 1989 года, в 1991 году на факультете была открыта кафедра украинской философии и культуры. В том же году от факультета отделились социологи и психологи, был создан отдельный факультет социологии и психологии. В эти годы в учебный процесс вводились новые учебные планы и программы по философским дисциплинам, был внедрен целый ряд новых нормативных и специальных курсов, которые ранее не читались на факультете. Интересным шагом была попытка преодолеть отчужденность академической и университетской философии путем открытия филиала кафедры философии факультета при Институте философии, что должно было обеспечить проведение учебного процесса учеными Института философии НАНУ. Фактически, стратегия профессора Н. Тарасенко заключалась в использовании собственных, украинских сил для трансформации и повышения качества философского образования.

Другую стратегию представила возрожденная в 1992 году Киево-Могилянская академия. Новый университет внедрял подход к образованию западным путем – при помощи стратегии «liberal arts». Связанная с открытостью учебного процесса к новациям и индивидуальным потребностям преподавателей и студентов, стратегия «свободного образования» побудила к подготовке философов без отрыва от других специальностей – литературоведения, языкознания, истории, культурологии, природоведения и т.д. Кроме того, основатели университета

«Киево-Могилянская академия» придерживались подхода, требующего привлечения западных профессоров в учебный процесс. Имея амбициозные идеологические цели повлиять на качество «будущей элиты нации», основатели Академии пригласили профессора В.С. Горского создать кафедру философии, которая бы давала принципиально иное, не связанное с советской традицией философское образование.

Вместе с молодыми преподавателями, которые перешли из КГУ, профессор Горский развернул активную работу по созданию целостной инновационной программы философского образования. Сильный упор в ней делался на возможности для студента выбирать спецкурсы, которые в сочетании с основными курсами позволяли ему получать неповторимый набор знаний. Благодаря серьезной языковой подготовке студенты КМА могли плодотворно работать с профессорами из западных университетов, которые приносили с собой новую культуру письма и анализа. Также, образование философов (как и других специалистов) было разделено на два этапа – бакалаврский и магистерский. В обеих частях значительную часть учебного времени забирали авторские курсы лучших преподавателей Киева из Академии, Института философии и философского факультета КГУ. Не имея достаточных собственных преподавательских сил и специализированных кафедр, Могилянское философское образование использовало принцип приглашения преподавателей и диверсификации курсов.

В отличие от других вузов, где специальность «философия», при условии спроса среди студентов, становилась факультетом с набором разнонаправленных специальных кафедр, философское образование не получило в Академии дальнейшей институционализации. Количество выпускников (первый выпуск философов состоялся уже в 1996 году) колебалось от 20 до 30 в год. Вместе с тем, Киево-Могилянская академия долгое время составляла единственную альтернативу более «укорененным в советское прошлое» подходам к философскому образованию в Украине.

В дополнение к уже упомянутым процессам на судьбу философского образования заметным образом повлияла программа «Трансформация гуманитарного образования в Украине». Программа была инициативой группы интеллектуалов, в которую входили М. Попович, Н. Вяткина, Е. Быстрицкий и немало других философов, педагогов, историков, социологов и издателей. Эта общественная инициатива, поддержанная международным фондом «Возрождение» (благотворительным фондом Джорджа Сороса в Украине), стала первой заметной попыткой гражданского общества и академического сообщества взять ответственность за преобразование образования в свои руки. Постсоветская бюрократия, создавая программы и принимая постановления, плодила новые формы, но воспроизводила старые смыслы в образовании. Программа «Трансформация гуманитарного образования» предложила создать учебники для нового украинского образова-

ния. Программа была направлена на деидеологизацию образования в Украине и создание плюрализма взглядов, представленных в учебниках и пособиях.

Этот подход действительно смог изменить содержание образования в гуманитарной сфере довольно быстро. В его рамках был проведен ряд конкурсов, которые сначала отбирали концепцию новых учебников, затем дорабатывали их до полноценных текстов и издавали с целью бесплатного распространения. Учебники и пособия охватывали весь спектр тогдашнего представления об образовании: они касались дошкольного, школьного, среднего специального и высшего образования. Также учебники и пособия касались различных дисциплин – от философии до экономики. Всего в рамках программы, действовавшей с 1993 по 1998 год, было издано около 200 книг общим тиражом 400000 экземпляров.

Среди этой группы учебников философская литература была представлена 20 наименованиями. Среди изданных текстов были следующие:

- История украинской философии* Вилена Горского;
- Очерк истории культуры Украины* Мирослава Поповича;
- Западная философия Нового времени* Валентина Гусева;
- Учебник по современной коммуникативной философии* Людмилы Ситниченко;
- Философский постмодерн* В. Лукьянца и А. Соболя;
- Современная зарубежная философия* В. Ляха, Л. Ситниченко и С. Кошарного;
- Гераклит* Анатолия Тихолаза;
- Англо-украинский философский словарь* В. Лисового и В. Полищук.

Их употребление в образовании серьезным образом способствовало разнообразию источников информации и упрощало ее усвоение студентами-философами.

Но были и критики программы. Прежде всего критика касалась двух аспектов: неучета в создании учебников экономических факторов и переоценки роли учебника в высшем образовании. Так, стратегия программы основывалась на внеэкономическом представлении об издании учебников. Фактически, издатели выполняли вспомогательную роль – они оформляли и печатали учебники. При этом новые экономические обстоятельства требовали от них большей инициативы, которая бы заботилась о распространении книг, их переиздании, переработке, новом редактировании и инвестировании в них. Действительно, несмотря на некоторые исключения, книги из библиотеки «Трансформации гуманитарного образования» не переиздавались и имели ограниченное хождение в стране.

Второй упрек также был справедлив. Действительно, советское высшее образование во многом полагалось на учебники. Однако уже в середине 1990-х годов большинство философских учебных курсов имело авторский характер. Поэтому, в идеале, каждый курс нуждался в отдельном учебнике, что было нереальным, учитывая тогдашние производственные возможности. В основном, изданные философские учебники жили жизнью скорее научных монографий, что отнюдь не умаляет их ценности. Однако, пытаюсь разорвать путы советизма в образовании,

идеологи проекта продолжали советскую практику преподавать в университетах с помощью исключительно учебников.

Новые тенденции в философском образовании были связаны с деидеологизацией, т.е. с попытками «выдавить» «диамаатовскую» составляющую из философских курсов. Показательна дискуссия, которая состоялась в декабре 1994 года в Институте философии НАНУ имени Г.С. Сковороды⁷⁰. В дискуссии о наследии марксизма-ленинизма в современной украинской философии речь шла и об образовательном компоненте. Неутешительной оценкой для философского образования конца 1994 года (четвертый год деидеологизации) были слова профессора Инны Бондарчук. Она, в частности, заметила: «Если обратиться к типичным вузовским программам, то увидим ориентацию на культ знания, на идеалы прогресса и "сущности человека", предусматривающие только восхождение и т.п. В такой концепции вузовского курса еще нет ощущения проблематичности, над которой размышляет вся современная философия. Необходимо в целом менять модель... Речь идет о таких способах преподавания, которые бы давали студенту возможность некоторого выбора, ориентации, а не обязывали к единому направлению мышления и формы мировоззрения»⁷¹.

В той же дискуссии Валентин Бычко вступил в полемику с академиком В. Шинкаруком по поводу централизаторских подходов к философскому образованию. Профессор Бычко настаивал: нам «не нужны единые государственные программы. Нужны авторские курсы, регулируемые главными рамочными требованиями. Пусть каждый преподаватель проводит свою позицию»⁷². Обе цитаты проговаривают кредо философов-дидактиков тех времен, повлиявшее на образовательные гуманитарные программы в Украине во второй половине 1990-х годов. Философские курсы стали разрабатывать на личном (авторском) понимании преподавателем той или иной проблематики в области философии, подкрепленном имеющейся отечественной и переводной литературой. Распыление когда-то централизованной образовательной программы имело немало негативных последствий, однако способствовало настоящей деидеологизации философского образования (в том числе не дало в большинстве случаев навязать философскому образованию этнонационалистические идеологемы, чего не скажешь о педагогическом или историческом образовании) и переходу от «культа знания» к «культу проблем». Постепенно образ философии как обскурантистской дисциплины, сложившийся в советские времена, исчез, и стал своего рода местом умолчания, некоей «пропавшей грамотой» с внятным образом философии.

В целом философское образование 1992-1995 годов в Украине характеризовалось распространением доступа к нему, поиском новых форм и смыслов, осто-

⁷⁰ Ее материалы см. в: *Марксистсько-ленінська філософія у світлі «останніх рішень» («постанова» «круглого столу»)* // *Філософська і соціологічна думка*. 1995. № 3-4. С. 16-40.

⁷¹ *Марксистсько-ленінська філософія у світлі «останніх рішень» («постанова» «круглого столу»)* // *Філософська і соціологічна думка*. 1995. № 3-4. С. 20.

⁷² Там же. С. 28.

рожным привлечением западного опыта и неосторожной тенденцией к самоизоляции. Философское образование постепенно утратило внимание властей, поскольку больше не выполняло необходимой идеологической функции. Зато это уменьшение внимания создало основания для свободного поиска и меньшей бюрократизации философского образования. Конкуренция подходов, касающихся основания философского образования, привела к появлению возможности в стране существенно преодолеть преемственность советских традиций в философии. Правда, возникшими возможностями почти не воспользовались. Однако об этом – в анализе событий более позднего времени.

Как видно, 1992-1995 годы для философского сообщества были временем свободного творчества, временем поисков новых форм и смыслов. При этом философия, бывшая нарочито-важной для властей советских времен, в постсоветском украинском обществе стала изгоем и неважной чудаческой дисциплиной, чем она собственно и является. Философская мысль присутствует, но без влияния на качество политики, на качество элит, на качество научной междисциплинарной коммуникации и на образы настоящего и будущего в украинском обществе.

Заключительные положения

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что, несмотря на все нежелание признавать это, которое диктуется современной украинской идентичностью, наша философия происходит из советской философии. Это наследие было использовано нами в 1990-е годы по-разному. Марксистско-ленинская идеология потеряла связь с философией, а новая национал-государственническая не заняла ее места. Академические свободы дали философии возможность по-новому институционализироваться, присоединяя к старым советским формам новые демократические, или хотя бы альтернативные. Вместе с тем, свобода философского сообщества сопровождается невлиятельностью и незаметностью философов в общественно-политическом дискурсе. Низкая образованность элит, несостоятельность медиа в выполнении просветительских программ и неготовность масс к потреблению «интеллектуального» продукта – это ситуация, которая не дает современной украинской философии шанс быть услышанной.

Создание нового образа философии в Украине далеко от завершения. Даже мифы о нашем происхождении от старой Могилянской Академии и наследственности с философией Университета Св. Владимира не могут создать хотя бы приемлемую альтернативную картину философской традиции Украины. В этой связи следует сказать следующее:

1. Современная украинская философия происходит от советской философии, но это происхождение амбивалентно. Оно не обрекает нас на господство идеологии и слабости рационализаторской миссии философии в украинском мире, не

отказывает нам в возможности общения с современниками-философами и мыслителями прошлого.

2. Пребывание различных философских учений, заимствованных нашим обществом из сокровищницы мировой философии, составляет феномен, позволяющий преодолевать идеологические смыслы советской философии в рамках институтов, продолжающих отчасти логику развития советской культуры. Новые формы философской жизни – фонды, общества, программы, клубы и т.д. – дают надежду на появление новых стилей философствования, которые будут актуальны в Украине для собственных целей и будут интересны коллегам из иных культурных ландшафтов.

3. Философское образование должно лелеять раздробленность и идеологическую «многовекторность» в нашей стране. Философия – единственная, кто несет прямую ответственность за плюрализм и толерантность в нашей культуре. Также сохранение многих идейных и мировоззренческих ориентиров оставляет шанс для энергичной жизни украинской философской мысли. Свидетельствуя о «падении нравов» в постперестроечное время, нам не следует впадать в отчаяние. Слабая подконтрольность философского образования органами государственного управления (хотя контроль возрастает) и незаинтересованность элит в философии обеспечивают нас ресурсом времени для институционального укрепления. Ситуация, которую можно описать как посттоталитаризм, теряет признаки межвременья. Первые признаки новой эпохи, несущей угрозу политической рациональности и свободе мышления, уже видны. И украинским философам следует быть готовыми к ней.